

М.А. САГАЙДАК
(при участии В.В. Мурашёвой
и В.Я. Петрухина)

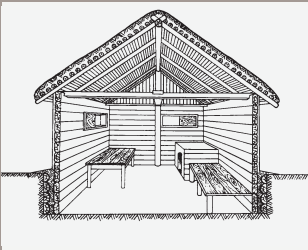
К ИСТОРИИ ГРАДООБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ VI – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XI ВЕКА

*Крупнейший курганный некрополь
раннесредневековой Европы –
Гнёздовские курганы*

*Сопка на Волхове напротив
Старой Ладоги.
Согласно позднейшей романтической
традиции – могила Олега*

*Традиционное древнерусское жилище
IX–X вв. (поселение Монастырьск
под Киевом). Реконструкция*

*Древнейшая русская крепость – Изборск.
Вид на городище с востока*

Процесс образования городов на территории Руси отличался своеобразием, хотя ему были присущи черты, находящие аналогии в истории урбанизации Западной Европы в средние века.

В исторической науке принято европейскую сеть городов разделять на три зоны, соотносимые с границами бывшей Римской империи. Внутренняя зона с центром в Средиземноморье охватывала южную Францию и Италию; севернее, на территории между Рейном и Дунаем до географических границ римской урбанизации, располагалась средняя зона; на северо-восток от нее находилась внешняя зона, где не было римских поселений. К ней относится и территория Древней Руси.

В пределах каждой из зон городская жизнь развивалась примерно одинаково. Так, схожи пути развития городов Британии, Южной Германии, Швейцарии и Австрии, относящихся к средней зоне. Здесь на протяжении так называемых темных веков, после падения Рима, происходило в основном повторное использование римских городов. Многие из них не существовали постоянно, а периодически угасали и возрождались. Можно говорить о непрерывности существования лишь некоторых городских институций. К таким городам относится, например, Париж, ставший в 507 г. столицей и в последующие столетия являвшийся центром королевской и церковной власти, а также ремесла и торговли, развивавшийся на месте бывшего римского города Лютеции.

Культуры лесной и лесостепной зоны Восточной Европы в первых веках I тыс. н. э. не имели прямых контактов с цивилизациями, с развитой городской сетью и не знали городов. В начале нашей эры, в эпоху зарубинецкой культуры, здесь существовали как укрепленные поселения — городища, так и неукрепленные — селища. Небольшие, площадью до 1,5 га, с 5–12 жилыми и хозяйственными постройками, они располагались на возвышенных берегах рек. Мысовые городища, стоящие у слияния рек или на местах, образованных рекой и оврагами, с напольной стороны укреплялись земляным валом, рвом с отвесными склонами — эскарпировались.

Поселения располагались близко друг от друга, образуя «гнезда», в чем принято видеть отражение племенной структуры. Жилые и хозяйственные постройки иногда размещались в разных частях поселения. Жилища представляли собой прямоугольные полуземлянки (в среднем 4 × 4 м) с очагом в центре. В Среднем Поднепровье стены жилищ имели каркасно-плетневую конструкцию, обмазывались глиной и белились (как и позднее в украинских хатах). В Верхнем Поднепровье конст-

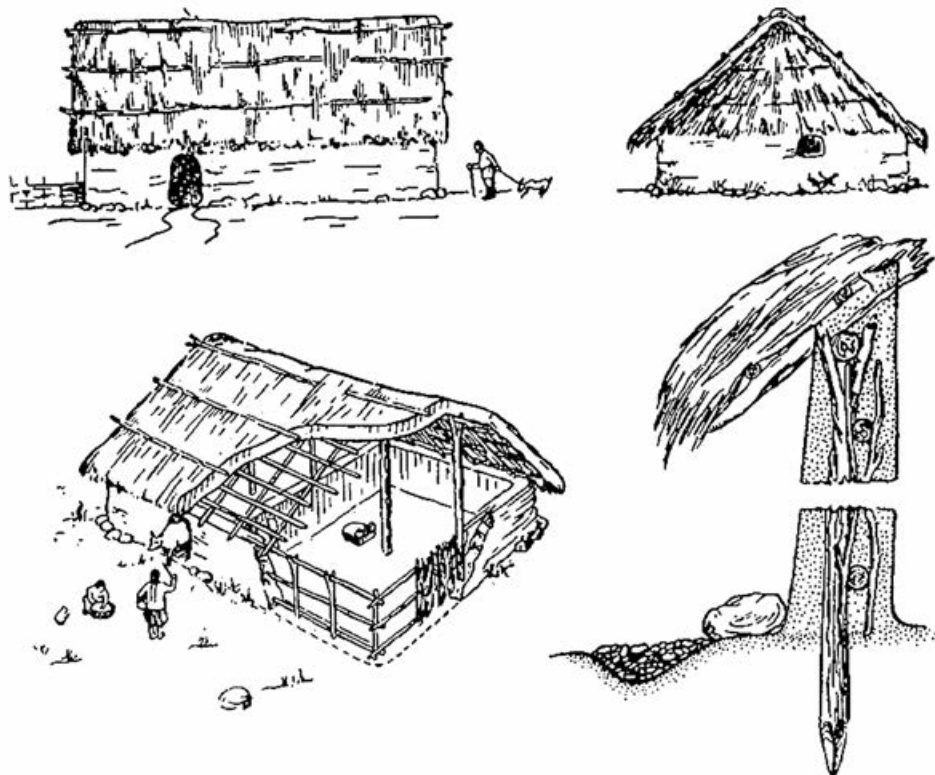
рукция жилищ была иной. Стены складывались из бревен, вставленных в пазы вертикально поставленных столбов. Вероятно, были известны и срубные дома. Крыши покрывались соломой или камышом, уложенными на жерди. Возле жилищ располагались ямы-погребки.

Многочисленные поселения черняховской (дославянской) культуры III–V вв. были по преимуществу неукрепленными. Известны лишь несколько городищ, укрепленных с напольной стороны рвом и валом. На них имелись каменные постройки. При строительстве оборонительных сооружений усовершенствовалась позднекифская традиция. Конструкция вала на городище Башмачка на Нижнем Днепре состояла из двух каменных стен с глиняной забутовкой [1], городище Александровка, расположенное в том же регионе, помимо вала с каменной стеной, возможно, было укреплено и башнями.

Застройка селищ была, как правило, рядовой, вытянутой вдоль берегов рек (до 1 км в длину при ширине 80–100 м), лишь иногда жилища располагались в два-три ряда. Там встречаются длинные наземные каменные и деревянные постройки площадью до 40 кв. м [ил. 56]. Эти большие дома, сходные с древнегерманскими жилищами, делились на отапливаемую и неотапливаемую части. Они могли предназначаться для сходов, молений и т.п. Не исключено, что в каменных постройках располагались хранилища продуктов. Каменные стены (толщиной до 0,5 м) состояли из двух панцирей с каменной забутовкой. Распространены были и полуземлянки общеевропейского типа — со стенами столбовой конструкции и обмазанным глиной плетнем между столбами. Вдоль стен располагались земляные лежанки или скамьи. В выступах стен устраивались хозяйственные ямы и иногда печи — глинобитные с ровным подом и полусферическим сводом (в западных областях известны печи-каменки). Однако в большей степени были распространены простые очаги в центре жилища.

Для поселений праславянской пражской культуры (V–VII вв.), занимавших обширные территории к западу и югу от киевского Приднепровья, характерны небольшие селища (от 0,5 до 1,5 га), реже мысовые городища с полуземлянками (до 20 кв. м), имевшими двускатные крыши из досок или соломы. При их строительстве применялись срубная, реже — столбовая конструкции стен; полы были земляными, иногда на них клали деревянный

[1] Смиленко, 1982.

56

настил. Вдоль стен располагались вырезанные в материке лежанки, иногда обложенные деревом. Сходную планировку, очевидно, имели и наземные срубные дома. Характерная славянская этнографическая черта — печи (каменки или глинобитные), расположенные в углу жилища; на западе ареала были распространены и очаги [ил. 57]. Известны и наземные хозяйственные постройки.

Поскольку в процессе земледельческой колонизации по мере оскудения почв славянам приходилось менять места обитания, жилища на них обычно располагались кучно. Рядовая застройка на поселениях прослеживается реже. Таково, например, крупное поселение V–VII вв. Рашков на Среднем Днепре. На севере и северо-западе Руси основным видом поселений были также селища на берегах рек и озер. На территориях расселения кривичей — на Верхнем Днепре, Западной Двине — преобладали селища с домами столбовой конструкции, с очагами, углубленными в пол, расположенными в центре жилища. У ильменских словен были наземные срубные дома с печами-каменками в углу. Среди укрепленных поселений VI–VII вв. заметно выделяется городище Зимно, занимающее выделенный двумя глубокими оврагами мыс на высоком берегу р. Луга, правого притока Буга [2] (его пирамидальной формы площадь составляла 135 × 64 × 14 м). Оно защищалось со всех сто-

рон деревянными стенами из горизонтально уложенных бревен, закрепленных столбами-стояками. С внешней стороны они были усилены земляным откосом. Центральная часть городища была свободной от застройки. Вдоль оборонительных стен сохранились остатки длинных многокамерных наземных домов с очагами. Здесь археологами были найдены остатки оружия, серебряные и бронзовые украшения, предметы быта, инструменты ремесленников.

Возможно, Зимно было административным местом пребывания вождя славянского племени (дулебов?) со своей дружиной, где работали кузнецы и ювелиры [3]. По другой версии, здесь располагался общинный центр, в длинных домах которого проводились разного рода сходки членов общины, а во время военного нападения в них находили убежище жители окрестных неукрепленных поселений (одно из них обнаружено в 250 м от городища).

Аналогичным временным убежищем было, скорее всего, городище Тушемля в верховьях р. Сож в Смоленской области, датированное VI–VII вв. [ил. 58] Его овальную площадку размером около 800 кв. м, расположенную на мысу, ограниченном двумя оврагами, защищали по периметру два земляных вала с деревянными оградами поверху. С napольной стороны были устроены еще три вала с такой же бревенчатой оградой. С внутренней стороны

[2] Седов В., 1982. С. 14.

[3] Аулих, 1972.

городища к стенам вплотную примыкала длинная бревенчатая постройка с двускатным перекрытием шириной 4–4,5 м, разделенная перегородками на семь или восемь помещений, в середине некоторых из них имелись очаги, выложенные камнями, остальные использовались для хозяйственных нужд. В центре мысовой части городища находилось святилище – круглая площадка со столбами по краю и большим столбом (для главного кумира?) в центре [4]. Как показал М.П. Кучера, городища различались как по плановой структуре, так и по назначению, характеру функционирования [5]. Например, к числу городищ-убежищ относится поселение VIII в. Хотомель в низовьях р. Горынь, правого притока Днепра в его среднем течении. Оно состояло из собственно городища и селища с жилищами-полуземлянками и глинобитными печами, грунтового могильника с трупосожжениями в урнах. Площадка городища (30 × 40 м) окружена кольцевым валом и вторым дугообразным валом и рвом. Укрепленная часть использовалась в качестве временного убежища, о чем свидетельствует отсутствие культурного слоя в середине площадки. Здесь же у вала были найдены остатки длинного наземного дома общественного назначения, говорящие, скорее всего, о том, что городище являлось общинным центром.

В разных регионах – на Смоленщине, Псковщине, в припятском Полесье, в украинском Прикарпатье у с. Ржавинцы открыты так называемые городища-святилища. Функции святилищ предположительно имели городища, чьи площадки не превышали в диаметре 15 м, т.е. не были пригодны для жилья и вряд ли могли использоваться в качестве убежищ [6]. Культурный слой на этих городищах практически отсутствует, зато обнаружены каменные вымостки – зольники (следы огня с костями животных и т.п.). Костры разжигались также на валах и во рвах.

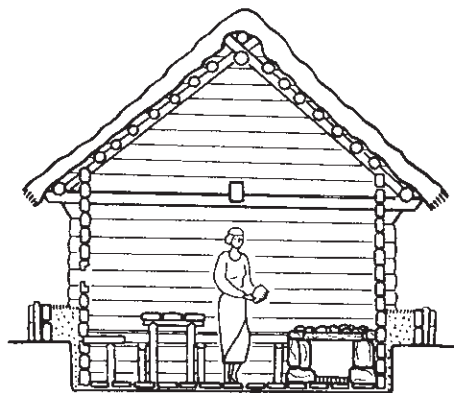
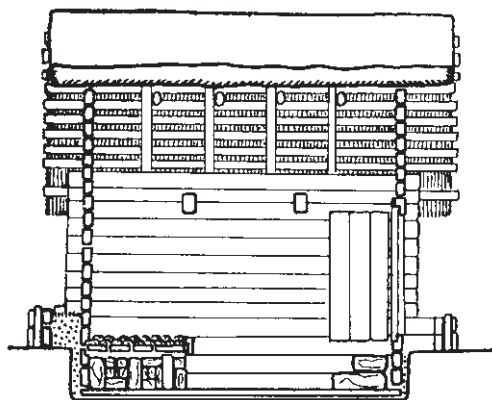
Диаметр площадки городища у с. Ржавинцы, относящегося к IX–X вв., составляет 23 м. Оно окружено двумя концентрическими валами с вымостками для разжигания огня и двумя рвами с пологими стенками. Между валами располагались большие наземные дома (длина около 25 м), внутри которых были найдены расколотые кости животных. В центре городища помещалась грубо обработанная четырехгранная стела. Она, видимо, являлась объектом поклонения, но была сброшена в ров с прекращением культовых действий. Обряды могли совершаться и на городищах-убежищах, в том числе, как полагают, в Хотомеле.

Племенным и одновременно крупным ремесленным центром одной из групп кривичей было Изборское (Труворово) городище в Псковской земле [7]. Население его было полиэтничным.

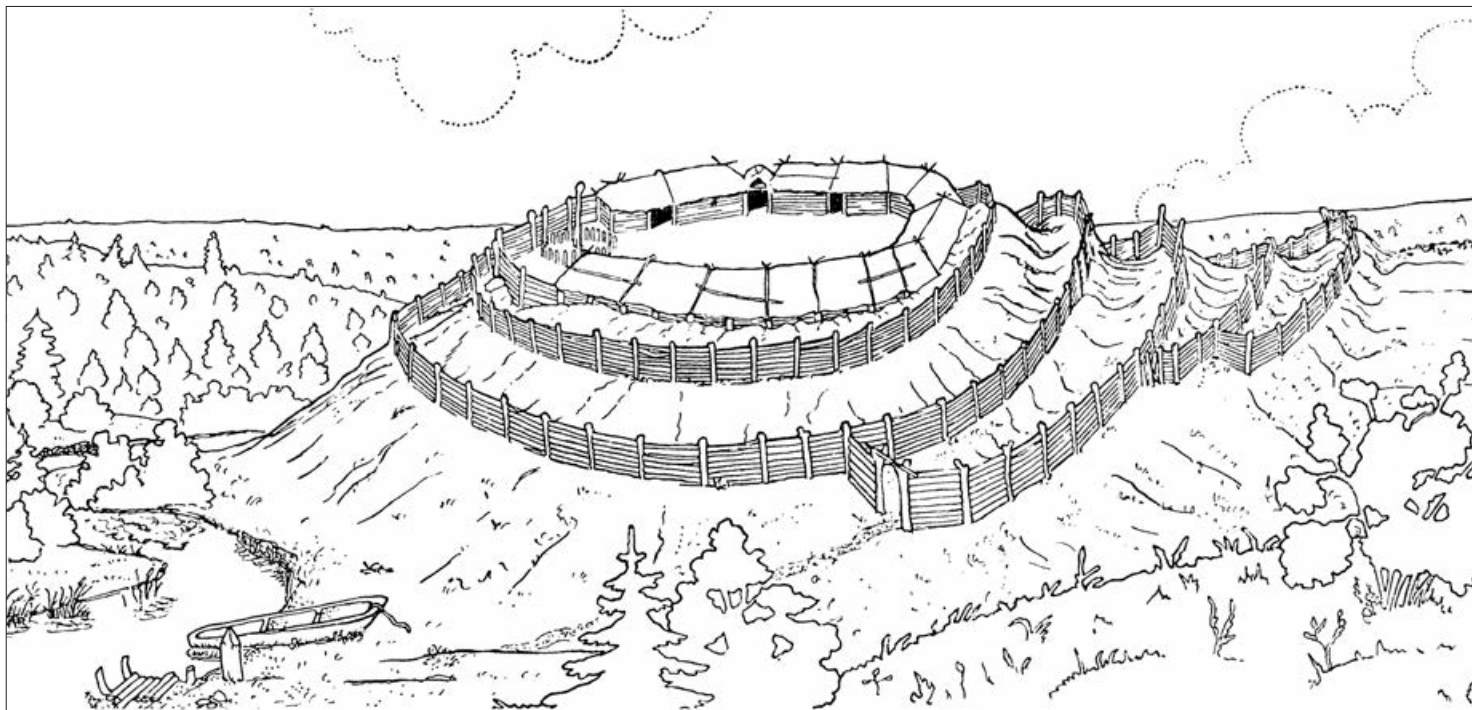
Городище (около 1 га), устроенное на высоком мысу (45 м), было укреплено с напольной стороны дугообразным валом высотой до 6 м, сложенным из плотной глины и камня, и рвом глубиной около 3 м, а в мысовой части небольшим валом [ил. 59]. В срединной части Изборска была устроена площадь (вечевая?) диаметром около 25 м. Наряду со славянскими наземными срубными домами (от 3,5 × 3 до 4 × 4 м) с деревянными полами и глиняными печами в одном из углов здесь находились постройки с глинобитными полами и очагами, принадлежащие неславянскому населению. Жилища располагались кучно.

В Поднепровье во второй половине VII – середине VIII в. ситуация мало изменилась. По-прежнему здесь преобладали селища площадью от 0,5 до 2 га. Поселения устраивались на возвышенных местах надпойменных террас, что не требовало возведения мощных укреплений. Своего рода исключением из правил является Пастырское городище на р. Сухой Ташлык в бассейне Тясмина, правого притока Днепра (Черкасская обл., Украина).

57 Полуземляночное жилище. Рашков II. Реконструкция В.Д. Барана
58 Поселение. Тушемля. Реконструкция П.Н. Третьякова

- [4] Седов В., 1982. С. 36–37.
[5] Кучера, 1999.
[6] Русанова, Тимошук, 1993.
[7] Седов В., 2007. С. 753, 841.

58

Население этого крупного ремесленного центра площадью около 25 га использовало древние укрепления — рвы, валы, восходящие к скифскому времени, не возобновляя их [8]. Основным видом жилищ были четырехугольные полуземлянки. На территории городища располагались мастерские по выплавке железа, кузница, общинное зернохранилище. Археологами были обнаружены свидетельства работы ювелиров (инструменты для ювелирной обработки металлов, несколько кладов серебряных украшений) и гончаров (лощенная керамика).

Селища остаются основным типом поселений на левобережье Среднего Поднепровья, где с конца VII в. появляется культура, получившая название волынцевской. Даже в крупном центре — Битицком городище — использовались валы и рвы скифского времени. Жилищами служили полуземлянки со столбовыми, реже срубными в обло стенами, с двускатным перекрытием; вход ступенчатый или пологий. Печи устраивались прямо в материковом грунте, их свод выкладывался из специально заготовленных глиняных вальков — обломков гончарной посуды. Помимо полуземлянок на Битицком поселении открыто юртообразное жилище — свидетельство пребывания на поселении выходцев из Хазарии (носителей так называемой салтовской культуры). Хозяйственные постройки не углублялись в землю, стены делались из плетневого каркаса, обмазанного глиной, полы глинобитные. Большими размерами отличались сооруже-

жения с остатками печей-горнов для производства железа.

Однако нет никаких оснований говорить о том, что эти поселения были центрами экономической активности, через которые проходили торговые пути, связывавшие их с другими регионами, как близкими, так и отдаленными. Предметы ремесла изготовлялись в основном для внутренних нужд или являлись объектами натурального обмена.

Вместе с тем в Европе с конца VI — начала VII в. отмечается развитие торговли и ремесел.

Этот период в Европе отмечен развитием торговли и ремесел. В Средней зоне вновь обретают важную роль города, возникшие на местах римских поселений. К их числу, например, в Британии относятся Кентербери, Лондон, Винчестер и Йорк. Как считают археологи, уже в VIII в. Лондон, в пределах римских стен которого находился порт, мог объединять административный и торговый центры [9]. Одновременно возникают новые города, обязанные своим появлением экономическому подъему — торговли и ремесел. Обычно располагавшиеся вблизи римских крепостей на берегах рек или на морском побережье, они могли и не иметь укреплений. Такие города напоминают древний эмпорий — торговый центр. В письменных источниках к ним применяют латинское слово *portus*, а с VII–VIII вв., когда в основном через французские центры международная торговля начинает вовлекать в сферу своего влияния города Британии, в их названиях используют «vik» как эквивалент

[8] Хвойко, 1905. С. 93–104; Брайчевский, 1951. С. 155–164; Брайчевский, 1952. С. 163–173; Брайчевский, 1955. С. 67–76; Приходнюк, 2005.
[9] Число европейских городов, в которых относительно независимо друг от друга сосуществуют институты государственной власти и центры торговли и ремесла, были уже в ту пору достаточно многочисленны (Frühgeschichte, 1991).

59

германского обозначения залива (и поселения на нем).

В зависимости от местных экономических, политических, географических условий новые городские центры могли существовать и развиваться, но при определенных условиях происходил «перенос города» [10]. На Балтике в начале VIII в. появляется несколько новых сезонных торговых пунктов, среди которых важное место занимают Рибе на западном берегу Ютландии и Леддечепинг в ее южной части. К их числу можно отнести также поселения Павикен и Висбю на острове Готланд. Одним из условий, необходимых для развития такого города, было его расположение на пересечении торговых путей, в местах перегрузки товаров, у причалов, сезонных пунктов обмена или ремесленного производства, наличие удобной речной или морской гавани, соответствующих статусу территории, на которой торговые операции получали необходимую правовую и физическую защиту. При этом постройки использовались как временные помещения и группировались отдельными «гнездами». Планировочной осью служила береговая линия, если связи развивались между водным путем и сухоходом, или главная улица, вдоль которой удобно было разместить склады и ремесленное производство.

На раннем этапе формирования такого города его планировка — равномерное деление городской территории — отражала социальное равенство населения. В Рибе удалось зафиксировать неглубокие рвы, открытые в материке, которыми разделялись еще практиче-

ски не освоенные участки [ил. 60]. Со временем складывающаяся социальная иерархия проявлялась в расположении дворов по отношению к вечевой или торговой площади, дитинцу, усадьбе правителя [11]. О постепенном изменении структуры «новых городов» — схемы улиц, планировки участков, усадеб и домов — свидетельствуют археологические раскопки в центральной части Швеции.

Особенно эти изменения коснулись местоположения жилой части, которая вначале размещалась вдоль главной улицы (фаза I), затем смещалась к центру двора-усадьбы (фазы II, III) и наконец стала частью многофункциональной постройки, выходящей основной стороной на улицу (фаза IV). Эти изменения отражали, с одной стороны, рост влияния богатых горожан, с другой, — были признаком возросшего значения общественных зон.

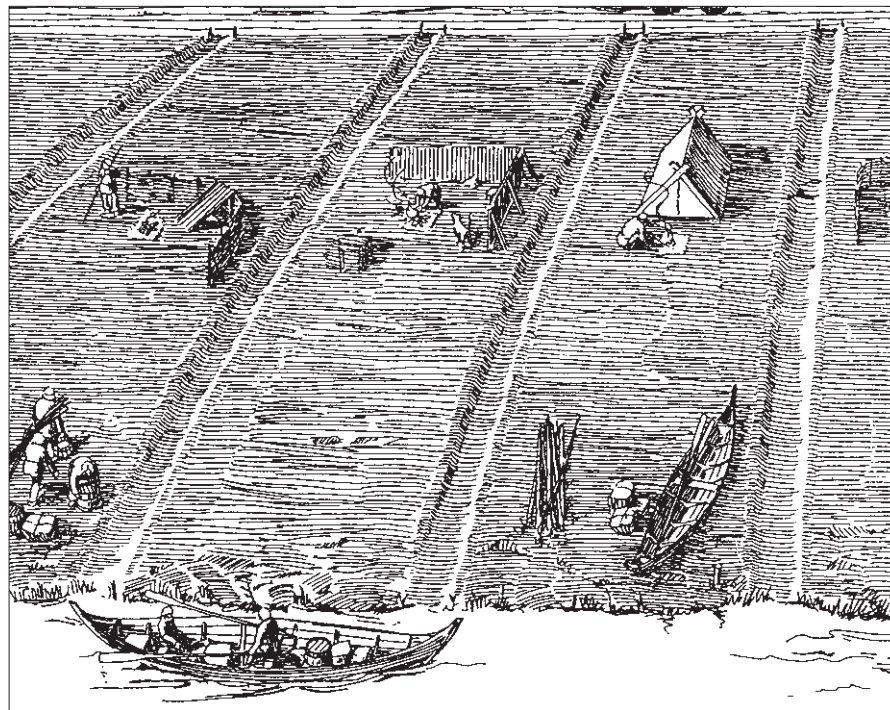
Жизнь вынуждала включить в состав средневекового города новые элементы. Кроме двора предводителя и торговой площади, появляются храмы, что заметно усложняет городскую структуру. Пространство города разделяется на несколько зон влияния, отмечается усиление политической власти, что находит прямое отражение в планировке.

Во второй половине X в., когда торговля подвергается возросшему контролю со стороны местной власти, город начинает совмещать функции политического и идеологического центра и места торговли. Исследователи средневековых городов Скандинавии отмечают зависимость площади, занимаемой городом, от количества функций, которые он выполнял, —

[10] Славяне и скандинавы, 1986. С. 76.

[11] Например, при сравнении плана конечной фазы существования шведского города Бирки с начальной фазой другого шведского города Сигтуны было замечено, что размеры индивидуальных участков в Бирке — городе более древнем, гораздо меньше, чем в Сигтуне. Это обстоятельство позволило пролить свет на сосуществование двух различающихся по своей сути градостроительных тенденций на одной территории (Tesch, 2001; Tesch, 2004/2005. S. 30–32).

60 Поселение Риббе.
Швеция. Реконструкция
61 План города Хедебу.
Швеция

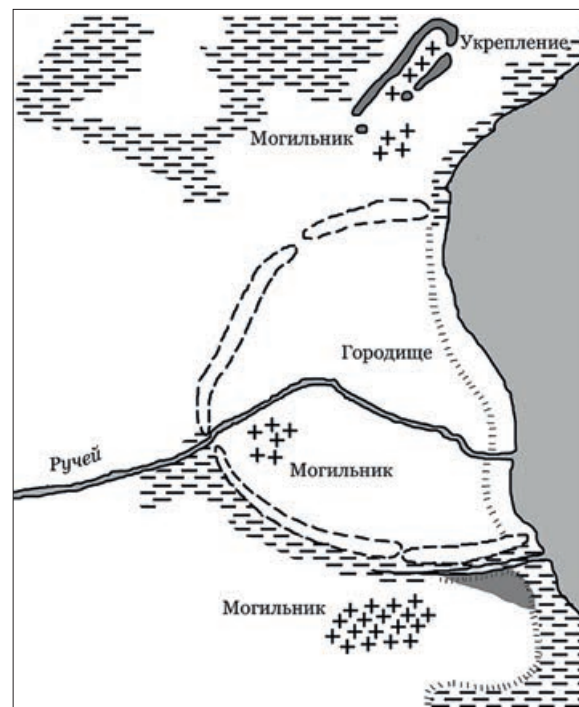
60

административные, политические, религиозные и торгово-ремесленные — и от того, как они соотносились друг с другом. Например, Лунд берет свое начало от небольшого торгово-ремесленного поселения Уппакра, возникшего в IX в. на пересечении нескольких дорог, в центре земледельческого района. Его планировочная структура ничем не отличалась от других. Впоследствии переместившись на новое место, Лунд стал крупнейшим центром Скандинавии — королевской резиденцией, местом чеканки монеты, центром епископата восточной Дании и архиепископской кафедрой всей Скандинавии, включая Исландию и Гренландию. Структура его планировки оформилась в пределах земляных валов и главной улицы, выходящей к двум городским воротам. Кварталы были разделены в соответствии с доминирующими в них 22 церквями.

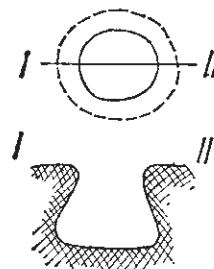
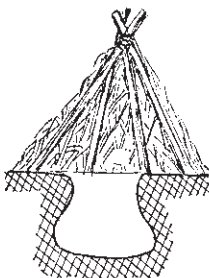
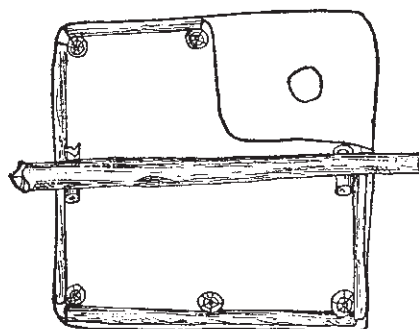
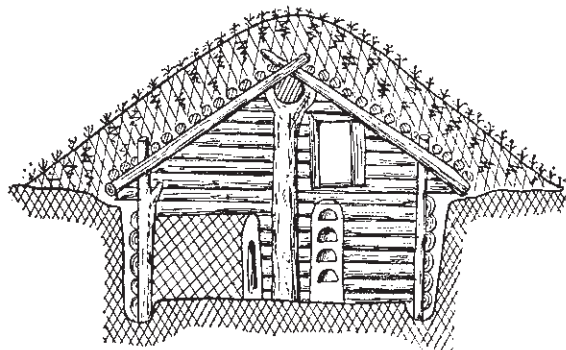
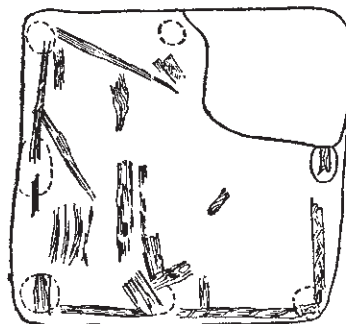
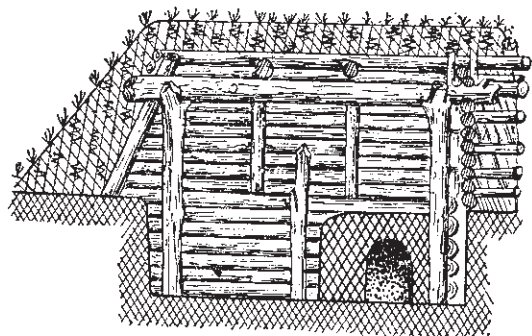
Специализация отдельных областей, обусловленная географическими факторами и хозяйственными традициями, стимулировала развитие системы городов. Начало урбанизации Внешней зоны, до того совсем не имевшей традиции градостроительства, связывается с развитием трансконтинентальной торговли, с VIII по X в. продвигавшейся в восточном и южном направлениях. Устанавливаются прямые связи между городскими центрами западной и восточной частей Балтийского региона. Письменные источники сообщают о том, что купцы из Бирки посещают Дорестаг; фризские ремесленники и купцы появляются в Ладоге. Все это указывает на успешное развитие экономики.

Поскольку большая часть высококачественных товаров — оружие, дорогие ткани, изделия из драгоценных металлов и камней и т.д. — производилась за пределами региона, появляющиеся на Балтике новые города становятся связующим звеном между внутренней и средней зонами и торговыми системами Аббасидского халифата [12]. Эти поселения типа «vik» строились вблизи укрепленных городищ или резиденций епископа, а иногда и на совершенно новых местах, но обязательно на

[12] Особую роль в этой системе играл Магдебург на Эльбе. Он упомянут в хрониках под 805 г. (Magdeburg, 1974. S. 260) как центр порубежной торговли со славянами. На Одере в эту торговую систему входили такие прибрежные города, как Волин, Щецин, Лебус, Вроцлав и Ополье. У Вроцлава торговый путь с Балтики выходил на трансконтинентальную торговую магистраль, из Средней Азии проходившую через Киев, Краков, Герлиц, Эрфурт, Майнц, Верден, Кордову в Испании (см.: Славяне и скандинавы, 1986. С. 62; Oldenburg — Wolin, 2002).

61

62

важном участке речного, морского или сухопутного пути. Здесь имелись рынки, складские помещения, ночлежные дома для путешествующих торговцев. Их охраняли и обслуживали специальные наемники, происходившие как из местного, так и иноземного населения, которых западнее Эльбы называли викингами, а восточнее — варягами [13].

Эти города нового типа отличались от других, во-первых, численностью населения, во-вторых, плотностью застройки, близкой по планировке к регулярной [14], в-третьих, в них жили торговцы и работали ремесленники различных специализаций, чья продукция была рассчитана на широкое потребление.

Примером может служить археологический памятник, известный ныне под названием город Хедебю [ил. 61]. Он возник на границе Северной Германии и Скандинавии, заняв место между племенными землями данов, фризов, саксов и ободритов, располагавшихся вокруг морского залива Шлее. Эта область находилась в зоне активной торговли между областью фризов через южную часть Дании по направлению к гаугам и шведам [15].

В начале IX в., завоевав саксов, живших на Нижней Эльбе, получает выход к Балтийскому морю империя франков. Вслед за этим благодаря тому, что развитие торговых отношений на Балтике активизировалось, купцы

[13] Прицак, 1997. Т. 1. С. 89.

[14] Археологические раскопки показывают, что поселение площадью чуть более 10 га могло иметь до тысячи жителей. По сравнению с политическими центрами того же времени, это было невиданное по тем временам число.

[15] Jankuhn, Wachholtz, 1956; Berichte, 1969; Jankuhn, 1986.

получили привилегии от франкского государства. Вместе с ними в восточном направлении двигались христианские миссионеры. Из Балтийского региона купцы достигали таких крупных центров исламской средневековой цивилизации и торговли, как Багдад, Бухара, Самарканд. Торговля «специализировалась», прежде всего, на продаже оружия и мехов. По всем маршрутам шла транзитная торговля рабами, скотом, балтийским янтарем, стрелами, кольчугами, украшениями, медом, воском и даже берестой. В обмен в Восточную и Северную Европу хлынуло исламское серебро. Как свидетельствуют находки (в первую очередь монетные клады), с конца VIII в. Восточная Европа становится базой международной торговли. Уже к 780-м гг., времени окончания омеядо-хазарских войн, относятся первые клады дирхемов, обнаруженные на острове Готланд в Швеции и в Старой Ладогге [16].

Европейским купцам необходимо было приложить немалые усилия и затратить значительные средства для создания на Восточно-Европейской равнине трансконтинентальной сети дорог к основным центрам торговли. Эта инфраструктура была необходима для функционирования опорных пунктов, служивших и как сезонные стоянки, и как места обмена товарами, их перевалки и складирования. Задача была тем более трудной, что в VII–IX вв. основным типом поселений на этой территории продолжали оставаться традиционные селища и городища.

В лесной зоне Восточной Европы в первой трети IX в. волынецкую культуру на левобережье Днепра сменяет роменская культура IX–X вв., близкая ей и синхронная еще одному пласту культуры — древностям Луки Райковецкой. В свою очередь, роменской была близка боршевская культура в бассейне Дона. Для поселений этих культур типичны мысовые городища и селища, занимавшие возвышенные места и располагавшиеся «гнездами» — от 3–7 до 9 в каждом «гнезде», на расстоянии в 2–5 км одно от другого. Городища имели кольцевую систему валов и рвов, на земляном валу иногда возводили стену из бревен, закрепленных в горизонтальном положении между попарно стоящими столбами, реже применялась каменная облицовка стен. Жилищами служили полуземлянки со стенами, обложенными деревянными плахами, со ступенчатым входом, над которым сооружалась пристройка вроде сеней. В углах располагались глинобитные или устроенные в материковом грунте печи и лавки вдоль стен [ил. 62].

Характерно «кучевое», т.е. без выделения дворов, расположение жилищ и хозяйственных ям. Но на позднем этапе уже возникает уличная планировка [17]. В X в. на городищах (Горналь и др.) появляется усадебная застройка.

Достаточно долго в исторической науке существовали представления лишь о двух ти-

пах возникновения городов. В первом случае в роли основы урбанизации выступали общинные центры, ядром которых являлось либо святилище, либо крепость-убежище, превращающиеся под давлением «феодализирующей» родовой знати в административные центры. А во втором — ядром являлись крепости, основанные центральной властью на новых местах. Предназначенные, как и замки, для консолидации и поддержания новой социальной системы, они постепенно обрастали населением и превращались в города [18]. Допускалось также, что некоторые города возникли в результате длительной эволюции — преобразования совокупности первоначально автономных сел в город по причине «выгоды места и удобства общинной жизни» [19]. Органично включенные в жизнь племен, они использовались в том числе как центры для координации сбора дани с населения округа. Именно такой тип формирования приписывали Киеву, Чернигову, Переяславлю и другим городам Южной Руси [20].

Однако исследования показывают, что большая часть городищ VII–VIII вв. была оставлена, а города, ставшие административными центрами, возникали на новых местах. К числу немногих исключений относится Изборск, в котором в первой половине X в. после сильного пожара были проведены большие строительные работы, изменившие его топографию и общий облик. Из племенного центра он превратился в раннесредневековый город с двухчастной структурой. Мысовая часть городища с площадью становится княжеско-дружинным детинцем, который по периметру был обнесен мощной стеной из дубовых бревен с воротами. Следов ремесленной деятельности в нем не зафиксировано, найдены лишь предметы быта, украшения и оружие. Ремесленники жили в околном городе (посаде), защищенном с напольной стороны дугообразным валом из глины, каменной стеной на его гребне и рвом. Городище имело уличную застройку. Все жилища были срубными. Многочисленные предметы, найденные в слое околного города, свидетельствуют о занятиях жителей железодельным, бронзолитейным, ювелирным, косторезным и камнерезным ремеслами. О развитии торговли говорят находки арабских и западноевропейских монет, весов, гирек и других привозных изделий.

Развитый характер земледелия южных областей Руси давал основание утверждать, что города возникали здесь раньше, чем на севере. Их считали центрами земледельческой округи. Именно этим объяснялось интенсивное развитие городов вокруг Киева. Ремеслу и торговле на начальных этапах его формирования не отводилось сколько-нибудь важной роли. Примерно так же объяснялось наличие «сгустка» городов между верхним течением

[16] О реальных объемах торговых операций между Востоком и Западной Европой континентом свидетельствует количество исламских серебряных дирхемов, вывезенных из Средней Азии в Северную Европу (см.: Нунан, 2004. С. 278).

[17] Полностью исследовано городище Новотроицкое (Сумская обл., Украина). На площадке (140 × 20–60 м) мысового городища раскопано 50 жилищ-полуземлянок с прилегающими к ним хозяйственными постройками (в том числе для содержания скота) и ямами-хранилищами. Планировка «кучевая» (см.: Ляпушкин, 1958).

[18] Довженко, 1968. С. 37–45.

[19] Каргер, 1958. Т. 1.

[20] В том числе: Новгород-Северский, Любеч, Вышгород, Путивль, Белгород, Родень, Плеснесь, Воишь, Юрьев (см.: Археология Украины, 1986. Т. 2. С. 250–334).

Волги и Клязьмой. По мнению ученых, торговля лишь создавала условия для процветания наиболее крупных городов [21]. При этом совершенно не принималось во внимание функционирование днепровского водного пути.

Такая концепция, в которой не найдена отражение роль торговых пунктов типа Тимерева, Шестовицы, Гнёздова, не позволяла дать ответ на вопрос, кто же и как смог организовать поставку на Восток такого количества товаров, которое позволило Европе получить в обмен на него огромную массу серебра. Решить проблему помогли археологические исследования последних лет. Они показали, что картина урбанизации Руси в VIII–X вв. была намного сложнее, чем это представлялось ранее, — наряду с поселениями традиционных типов все более заметное место в ней стали занимать торговые поселения. Они являлись опорными точками инфраструктуры торговых путей. В ее создании и налаживании торговых связей активное участие приняли варяги, или «ар-рус» согласно восточным источникам, «русь» древнерусских письменных источников. Хорошо знакомые с балтийскими торговыми пунктами, они начинают создавать базы для своей торговли по всей Восточной Европе.

Сложению единой сети коммуникаций и, как следствие, объединению севера и юга огромной территории, на которой в конце IX в. возникнет государство восточных славян, должен был предшествовать этап, когда оба ареала развивались самостоятельно. Археологические исследования позволяют постепенно выявить оригинальные черты, присущие каждому из них. Можно говорить о различии приемов производства орудий труда, использовавшихся на севере и на юге. Это же касается и состава сплавов цветных металлов: на севере доминировали латунные сплавы, на юге — оловянные и оловянно-свинцовые бронзы. Установлен факт почти повсеместного бытования на севере лепной керамики наряду с изготовленной на юге лепная керамика почти вышла из употребления.

Различия обнаруживаются и в характере обустройства поселений. На севере редко используются деревянно-земляные фортификации — в подавляющем большинстве тут распространены неукрепленные поселения. На юге поселения были заметно крупнее, а плотность расселения и освоенность ландшафтов заметно выше, чем на севере. На юге использовали разные типы заселения, а на севере преимущественно приречный [22]. Вместе с тем есть основание говорить о том, что экономика севера была более товарной, а это, в свою очередь, может свидетельствовать об активном вовлечении в торговлю населения Северной Руси. Отчасти это объясняется тем, что на территории Южной Руси поселения,

подобные таким «протогородам» севера, как Гнёздово, Ладога, Рюриково городище, Тимерево и др., менее исследованы.

Это же обстоятельство не давало возможности объективно оценить роль и место поселений типа «vik» в формировании и развитии южнорусских городов. Иногда они сравниваются с известными городищами славянской эпохи VI–VII вв., такими как Зимно на Волыни или Пастырское. Они располагались в районах сельскохозяйственной деятельности, но в то же время были крупными центрами разнообразных ремесел — выплавки и обработки металла, гончарства, ювелирного дела. Однако эти поселения имеют слишком большой хронологический разрыв со временем массового появления городов в Среднем Поднепровье. Отсутствие надежного континуитета между археологическими слоями, связанными, с одной стороны, с протославянскими и славянскими культурами, а с другой, — слоями эпохи Киевской Руси, заметно снижает надежность таких предположений.

Поселения типа «vik» появляются вначале в Ладоге, а затем в глубине материка на главных речных магистралях — Рюриково городище — там, где позднее появился Новгород, Тимерево и Сарское в верхнем течении Волги, Гнёздово на Верхнем Днепре около Смоленска, Чаадаевское городище возле Муромы, Крутик около Белоозера, Шестовица под Черниговом и ряд других. Судя по археологическим данным, торговля и ремесло развивались здесь параллельно. Благодаря таким поселениям славянские племена вовлекались в международную торговлю, устанавливались экономические и культурные связи, что, в свою очередь, способствовало изменению всего строя их жизни [23].

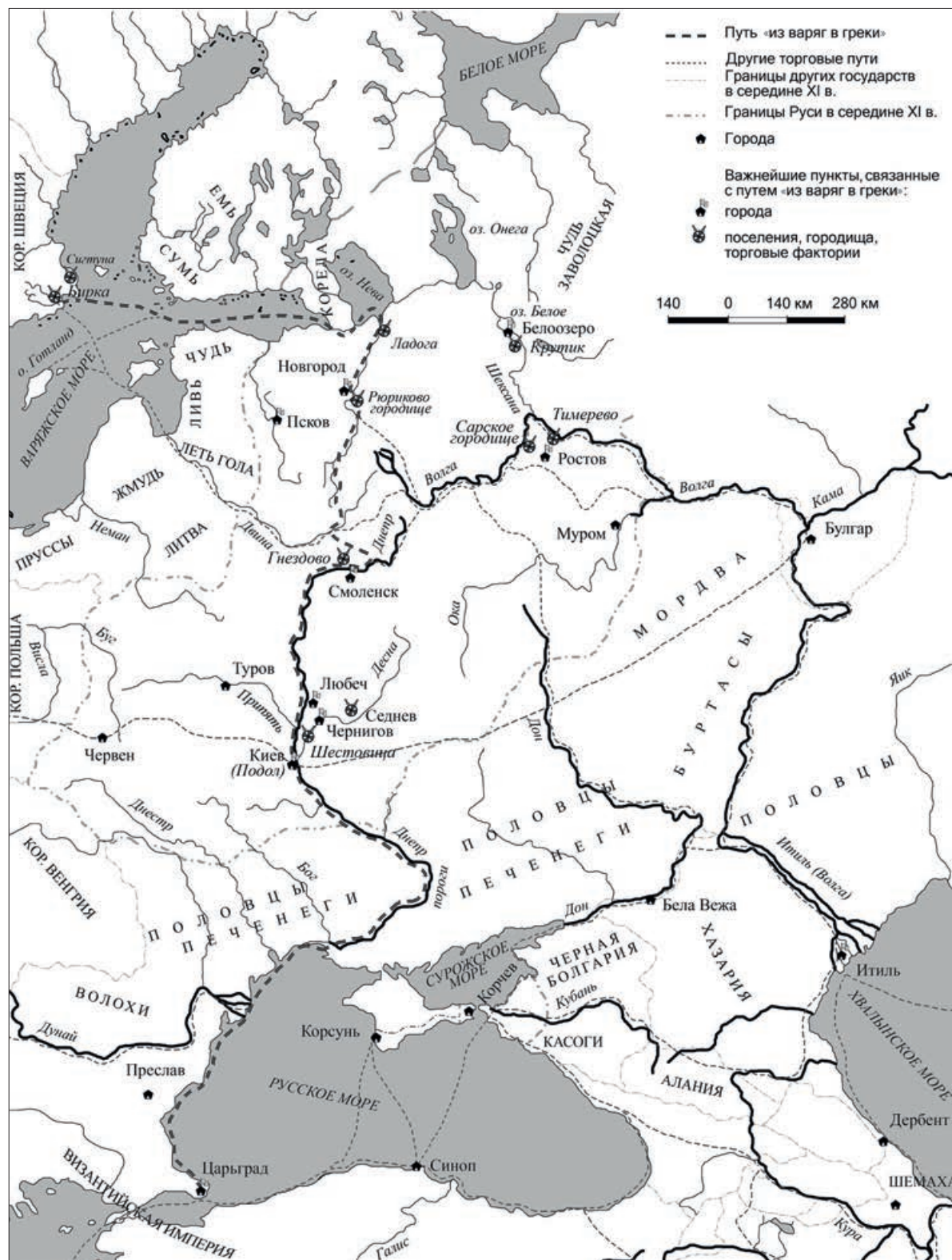
Вопрос хронологии новых поселений, как и точных маршрутов торговых путей Восточной Европы в конце 1 тыс. н.э. — тема продолжающейся дискуссии. Наиболее убедительным представляется вывод исследователей, утверждающих, что геополитическую основу древнерусского государства структурировала ось север–юг, общая для двух первоначально автономных ее частей с центрами в Приильменье и Поднепровье. Изучение картографии выявленных балто-скандинавских предметов и кладов восточного серебра показало разные пути проникновения скандинавов до середины X в. в районы Верхнего и Среднего Днепра [24]. Так, стратегический путь, опорным пунктом которого в ареале распространения смоленских длинных курганов было Гнёздово, проходил и по верхнему течению Днепра, и по Двине. Шестовицкий торговый комплекс возник на важном участке так называемого хазарского пути. Начиная с конца IX в., его функционирование отмечено находками по Десне — Сейму — Северскому Донцу — Дону. В самой же Шестовице в погреб-

[21] Тихомиров, 1956. С. 58–63.

[22] Макаров, 2005. С. 6–7.

[23] Седов В., 1999/2.

[24] Булжин, Зоценко, 1990. С. 117–123; Зоценко, 1987. С. 87–88.

[25] Культурный слой Полоховья сохраняет дерево и другие органические остатки, поэтому известна дендрохронологическая дата древнейшей ладожской постройки – 753 г. и срубная техника деревянного строительства. Были обнаружены части конструкции кровли, в том числе «курица», находящая аналогии в конструкции кровли русской избы.

[26] См.: *Бранденбург*, 1896; *Лебедев*, 1985/1. С. 45–46; *Лебедев*, 1985/2. С. 205–210; *Киртичников*, 1980. С. 441–455; *Средневековая Ладога*, 1985; *Киртичников*, *Сарабьянов*, 1996; *Старая Ладога*, 2003.

63

бальных комплексах, отнесенных к концу IX – середине X в., одновременно выявлены скандинавские вещи с предметами византийского и восточного происхождения.

Иной структурой обладали поселения нового типа, такие как Альдейгъя – древнейший русский торгово-ремесленный центр, варяж-

скому названию которого соответствует славянское – Ладога. Он возник не позже середины VIII в. [25] в низовьях Волхова как главный форпост в начале двух великих торговых путей «из варяг в греки» – Балто-Волжского и Балто-Днепровского [26] [ил. 63]. Следы располагавшихся вдоль селищ свидетельствуют

64 План Ладоги
65 Большой дом. Ладога.
Реконструкция
Е.А. Рябина

64

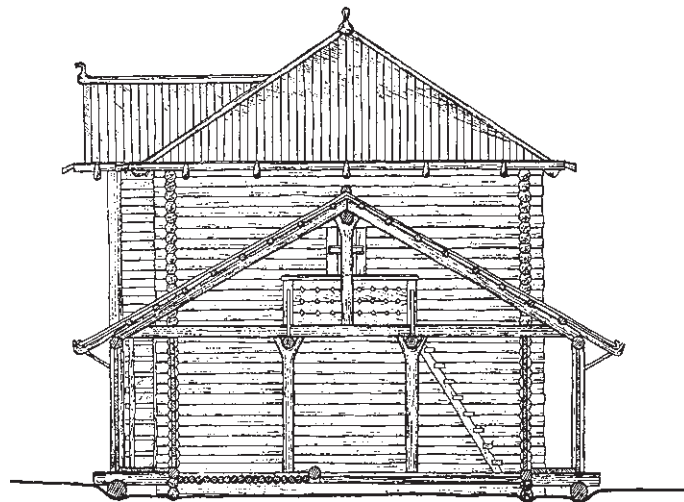
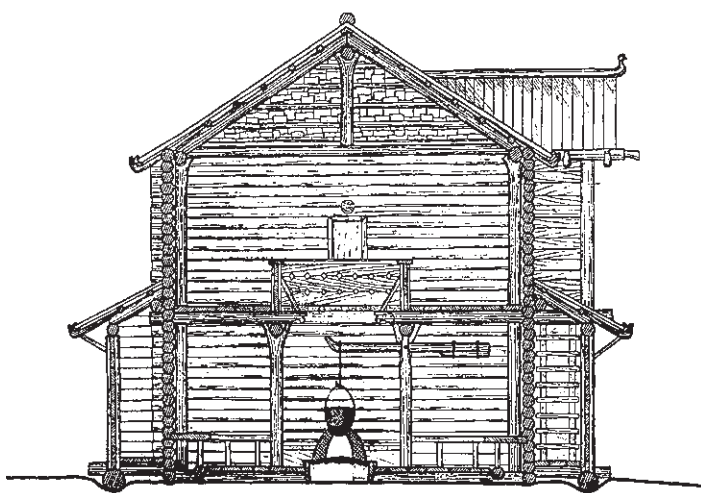
о том, что в VIII–IX вв. эта земля была обитаема и активно обрабатывалась.

Первоначальное поселение располагалось на неширокой полосе от устья Ладожки вдоль левого берега р. Волхов до нагорья Победище [ил. 64]. Ядро этого протогорода составляли территория, занимавшая мыс между реками Ладожкой и Волховом, и Земляное городище, расположенное южнее. К укрепленной части поселения примыкал посад. К северу и югу вдоль берега располагались могильные насыпи-сопки. Кроме того, в округе первоначальной Ладоги открыты грунтовые могильники VIII и X вв., а также курганы X–XI вв.

В 730–850-е гг. Ладога занимает лидирующее положение на Балто-Волжском пути и, возможно, становится центром объединения славянских и финских племен: словен ильменских, чуди, мери и веси. Кроме славянского

населения, здесь живут также скандинавы, финны, балты, западные славяне. Был налажен торговый обмен с чудью юго-восточного Приладожья и племенами севера Восточной Европы.

В 830–840-х гг. площадь заселения неукрепленного посада (10–12 га) расширялась, дома появлялись и на другом берегу Ладожки [27]. Застройка представляла скопление отдельных дворов. Здесь имелись дома, а возможно, и дворы для приезжих купцов и ремесленников. Жилища были окружены хозяйственными постройками, мастерскими, хлевами. Были открыты остатки дворовых настилов и замощений – вероятное свидетельство усадебной застройки городища. При этом наряду с большими двухкамерными домами (до 120 кв. м) с печью посередине и холодными сенями, построенными в германской традиции,

65

существовали небольшие квадратные срубные избы с печью в углу, соответствующие славянской традиции [28]. На Земляном городище находились кузнечные, бронзолитейные, стеклодельные, косторезные, судостроительные мастерские и дома знати, собиравшей дань и занимавшейся торговлей. Археологи раскрыли здесь улицу, вдоль которой в X в. располагались мастерские по изготовлению изделий из стекла, кости, янтаря. В каждой из обнаруженных построек найдены предметы, свидетельствующие о занятиях одним или несколькими ювелирными ремеслами.

Оборонные сооружения на мысу появляются, видимо, тогда, когда Ладога становится местом, в котором находится резиденция конунга и, как полагают некоторые исследователи, столицей Северной Руси [29]. Во всяком случае, не позже X в., а то и конца IX в. здесь же существовала каменно-земляная крепость с высотой стен не менее 3 м и толщиной 3 м [30]. К 890 г. относится огромный по тому времени дом (17 × 10 м) с внешней галереей, вероятно, принадлежавший купеческой артели [31] [ил. 65]. В конце IX в. в городской структуре Ладоги уже отчетливо выделяются три части — укрепление на мысу, Земляное городище с южной стороны и поселение на левом берегу Ладожки, примерно в 50 м от берега. Тут к этому времени было не менее 60 построек, группировавшихся в усадебные комплексы [32]. Прибрежная территория, как и в шведском городе Риббе, была разделена неглубокими канавами на одинаковые по размеру участки шириной около 6 м. Канавы предназначались для втаскивания на сушу ладей. Торцами участки выходили к берегу, где, вероятно, были устроены причалы для кораблей (характерная черта планировки ранних городов Северной и Восточной Европы). На одном участке были обнаружены остатки двухкамерного дома, на другом — горн, предгорновая яма и помещение для обработки железа.

Во второй половине X в. на смену «кучевой» планировке приходит уличная. Дворы-усадебные на территории посада были окружены оградами. Вытянутые по линии север-юг, они формировали береговую улицу. Застройка представляла скопление отдельных дворов, состоявших из двухкамерных жилищ с прямоугольным очагом в центре одной из камер и холодными сенями. Вокруг располагались хозяйственные сооружения. Оригинальной особенностью Ладоги является обнаружение в слоях IX–X вв. «больших домов» (площадью до 160 кв.м), представлявших собой основной отапливаемый покой и обходную наружную галерею. У торцов домов находились глиняные печи для приготовления пищи и выпечки хлеба. По мнению исследователей Ладоги, подобные дома, вероятно, служили своеобразными купеческими гостиницами, в которых могли останавливаться члены торговых корабельных

команд, переживая зиму, участвуя в ярмарках, ремонтируя корабли.

Помимо упомянутых частей в композиционную структуру поселения входили три группы сопки, расположенных на обоих берегах Волхова и образующих своего рода сакральную зону. Цепь их, окаймляя излучину реки с севера, тянулась вниз по ее течению вплоть до городища Любша. Прямо напротив крепости, на низком правом берегу находятся наиболее древние захоронения — курганы урочища Плакун, относящиеся примерно к 860–870-м гг. [33] Другая группа курганных насыпей, корреспондирующая с первой, занимает высокий берег Волхова в урочище Победище, рядом с Земляным городом. В третьей группе курганов (сопок), достигающих высоты 4–5 м и замыкающих перспективу реки с севера, находится так называемая Олегова могила. Она хорошо просматривается из любого места Ладоги.

Сами сопки на волховских берегах и в Приильменье представляли собой достаточно сложные сооружения, форма которых была определена не только обрядом погребения, но и их ролью культовых объектов. Основание их окружают кольца, сложенные из крупных, плотно пригнанных друг к другу валунов. Количество таких колец варьируется от одного до трех, а ширина их может достигать 1,5 м. Внутренняя часть цоколя выкладывалась из небольших плит. Пространство между валунами и плитами засыпалось камнями и щебнем, а сверху закрывалось плитами. Сопки сооружались в два-три приема, поскольку со временем происходили подзахоронения кремнированных останков. В результате образовывались своеобразные ярусы, верхняя площадка каждого из которых имела каменную вымостку, иногда довольно четкой геометрической формы, чаще всего треугольной. Иногда камнями как облицовкой крепили нижние части склонов сопки. Крутая насыпь сопки у с. Михаил Архангел в низовьях Волхова, на его высоком левом берегу, первоначально имела высоту 5 м, а диаметр ее верхней вымощенной площадки достигал 6 м. Затем, благодаря подсыпке, она поднялась еще на 2 м, а на третьем этапе ее высота достигла 9 м [34].

Высота «Олеговой могилы» превышает 5 м, диаметр ее основания составляет более 30 м. План территории огромной насыпи напоминает треугольник, достигавший в длину 40 м. Сама могила находилась на ее вершине, а стороны обозначали две линии кладки из правильно сложенных, пригнанных друг к другу валунов, сходящихся к ее подножию [35]. Доминантное положение сопки в панораме окрестностей Ладоги дает основание серьезно относиться к мнению тех исследователей, которые предполагают, что при отсутствии в местности других видов сложных языческих культовых сооружений их роль могли выполнять погребения чтимых предков [36].

[27] Мачинский, 2003. С. 29.

[28] Рябинин, 2002 (см. также обзор производственных комплексов из староладожских раскопок: Бессарабова, 2001). С. 214–229.

[29] Киричников, 1985. С. 19.

[30] Киричников, 1980. С. 450; Киричников, Сахарьянов, 1996. С. 91.

[31] Мачинский, 2003. С. 32.

[32] Петренко, 1985. С. 83, 92.

[33] Назаренко, 1985.

С. 157; Носов, 1985. С. 147, 155.

[34] Седов В., 1982.

С. 61–63; Петренко, 1980.

С. 69–76.

[35] Лебедев, 1977. С. 181; Лебедев, Седых, 1985. № 9

(№ 10). С. 16.

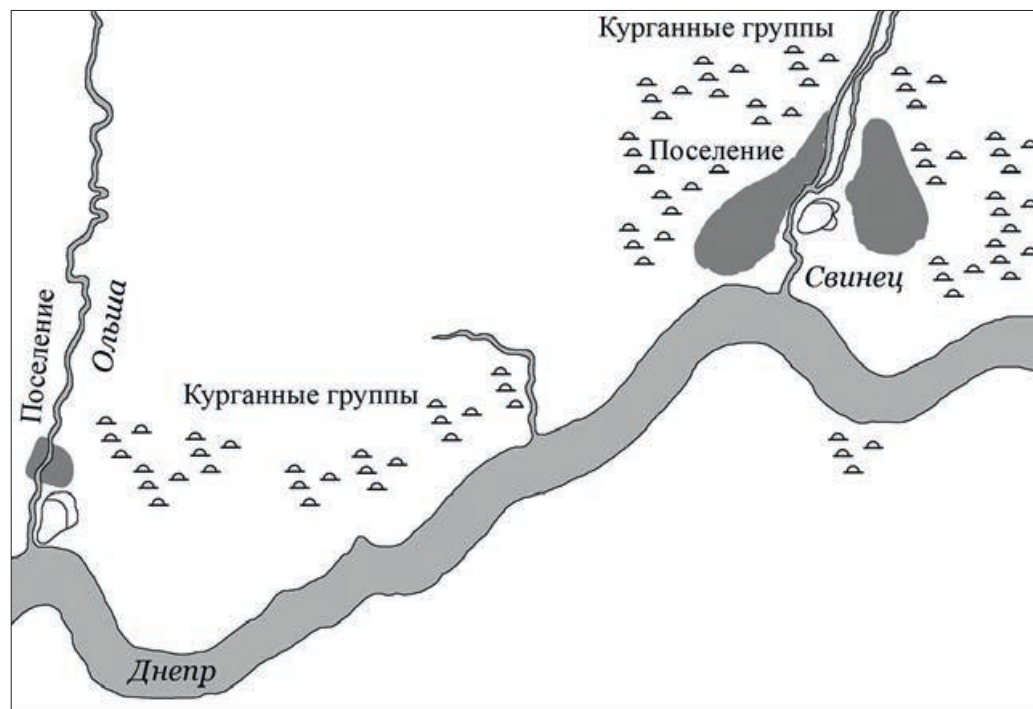
[36] Лебедев, 1982. С. 23;

Лебедев, 1985/1. С. 46; Платонова, 2000. С. 110–113;

Свириш К., 2006.

С. 231–251.

67

Ладожскую волость, протянувшуюся на несколько десятков километров вдоль нижнего течения Волхова, с юга, севера и запада охраняли небольшие укрепленные городки. Так, уже в середине VIII в. на месте земляного городища финно-угорского населения возникает небольшая, размерами 60 × 70 м, каменно-земляная крепость Любша [37], прикрывавшая Ладогу от набегов с севера. Ближайшие аналогии Любша находит в славянских крепостях Поднавья и Польши [38]. Путь по Волхову на юго-восток контролировали крепость на р. Сясь у с. Городище и Холопий городок в его верховьях. В IX в. воздвигаются древо-земляные укрепления на Рюриковом городище, расположенном близ оз. Ильмень [39] [ил. 66]. С ним связывают сведения варяжской легенды о том, что призванный на правление Рюрик обосновался сначала в Ладоге, а потом срубил Новгород в истоках Волхова, но не там, где располагается новгородский Кремль (детинец), а в 2 км южнее по течению Волхова, на Городище.

В IX–X вв. Городище являлось первым протогородским поселением близ истока Волхова. Его общая площадь достигала 6–7 га, центральная часть была укреплена рвом и, очевидно, валом. Население составляли в основном славяне и скандинавы, входившие в состав русской княжеской дружины. На Городище открыты остатки наземных жилищ столбовой конструкции, печей для приготовления хлеба, параллели которым существуют у балтов.

По данным раскопок, собственно новгородские части территории — так называемые концы — стали застраиваться в X в. Первоначальные усадьбы строились прямо на пашне (как и в Ладоге). Древнейшие напластования на территории будущего города открыты не в нов-

городском Кремле (детинце) и не на месте будущих новгородских «концов» [40].

Исследование культурного слоя Новгорода позволяет предполагать, что древнейший город представлял собой совокупность трех поселений, предшественников будущих «концов» — Славенского, Людинского и Неревского. Таким образом, древнерусский город образовался в результате сиюминутности нескольких поселений. Древнейшее из них стало именоваться Городищем, т.е. «Старым городом», а новообразованное в X в. — Новгородом. Предполагается, что они могли иметь собственные укрепления. Их застройка изначально носила усадебный характер — за изгородью располагались и наземные срубные жилища, и хозяйственные постройки.

Переход из волховской и западнодвинской системы международных коммуникаций в днепровскую в X в. контролировался поселением в Гнёздове под Смоленском, одним из крупнейших опорных пунктов на пути «из варяг в греки».

Планировка гнёздовского поселения динамично менялась на протяжении его существования. Самые ранние следы зафиксированы на правом берегу р. Свинец (западное селище); на левом ее берегу, в пойменной части поселения, и на центральном городище. С напольной стороны городище было укреплено валом и рвом. Вероятно, в выборе места для поселения решающую роль сыграла уникальная ландшафтная ситуация — широкая незатапливаемая пойма при впадении небольшого притока Днепра, образующего высокий мыс и два небольших внутренних озера, которые могли быть использованы как внутренняя гавань и дополнительные источники воды для ремесленного производства, связанного с плавильными процессами [ил. 67].

[37] Лебедев, Седых, 1985. (№ 16). С. 17; Петренко, Шитова, 1985. С. 181, 185.
 [38] Мачинский, 2003. С. 28.

[39] Носов, 1990; Носов, 1995/1. С. 5–17; Носов, Горюнова, Плохов, 2005.

[40] Янин, Алешковский, 1971. С. 32–61.

По обоим берегам Днепра расположены курганные группы (Центральная, Лесная, Глушенинская, Днепровская, Ольшанская, Правобережная Ольшанская, Левобережная). Их высота в большинстве случаев составляет 1,0–1,5 м, лишь изредка встречаются насыпи, достигающие 4–7 м. Курганы имеют округлую форму, встречаются четырехугольные насыпи. Доминирующими в культурном ландшафте Гнёздова были так называемые большие курганы высотой от 2 до 9 м, содержавшие, как правило, скандинавские ладьи с кремированными останками [ил. с. 80].

Очевидно, что Гнёздово было крупным речным портом, и портовое хозяйство имело сложную структуру. На раннем этапе в качестве гавани, вероятно, использовалось оз. Бездонка, соединявшееся с р. Свинкой (Свинцом) небольшой протокой [ил. 69]. На берегу озера обнаружена канава, частично обложенная крупными жердями, — возможно, остаток небольшого внутреннего волока для вытаскивания судов. Там же были обнаружены части останки судов, в том числе и уключина [ил. 68], и целая система деревянных настилов — «твердей» — для подхода к воде. На позднем этапе (возможно, со второй половины X в.) функции порта в основном начинает выполнять прибрежная зона, где обнаружены смолокурная яма и остатки углубленных сооружений, возможно, прибрежных складов.

Четко выделяется зона ремесленного производства, где располагались мастерские ювелиров и кузнецов, которые находились на восточном и западном селищах, а также на городище. Прослеживаются следы множества перестроек, смена типов ремесленных сооружений, однако общие принципы планировки этой зоны сохранялись. Вероятно, места, занятые ремесленными мастерскими, находились на территории крупных и богатых усадеб. Удалось обнаружить фрагмент межевой канавки, фиксировавшей границу между усадьбами. На ее месте впоследствии неоднократно возводились мощные изгороди. Возможно, эта канавка — след разделения земли на участки-парцеллы, известные в Риге, Ладоге, Киеве и других поселениях. О состоятельности владельца усадьбы свидетельствует состав находок, включающий предметы роскоши (фрагменты византийских амфор, тонкостенных стеклянных сосудов). Границей усадьбы, вероятно, служила и длинная траншея со столбовыми ямами по краю, которая была исследована на восточном селище.

С «ранним» Гнёздовом соотносится лепная керамика, найденная на городище, западном селище, в пойменной части, в районе оз. Бездонка. Уже ранние слои содержат данные о полиэтничности поселения — славянская (роменская — среднеднепровская) керамика сочетается в них с такими предметами, как деревянная уключина от скандинавского судна

и трапезиевидные балтские подвески. Исследования на пойменной части поселения показали его неоднородную структуру, наличие различного использованных зон.

Расцвет Гнёздова приходится на вторую половину X в., когда оно достигает максимального размера. В это время застраиваются даже казавшиеся ранее непригодными для жилья участки — например, притеррасная влажная ложбина, которая предварительно была засыпана песком.

Поскольку в культурном слое поселения практически не сохраняется дерево, сведения о системе домостроительства и архитектурных традициях, которые определили его облик, чрезвычайно скудны. Очевидно, что сооружались как углубленные постройки (землянки или полуземлянки), так и наземные дома. Углубленные части жилищ имеют разную форму (овальную, округлую, прямоугольную) и различную глубину и размеры [41], однако ни в одном из них не зафиксировано следов печей и очагов. Это можно объяснить тем, что отопительные устройства могли находиться в наземной части сооружения. Не исключено также, что это были остатки небольших сезонных построек, не требовавших обогрева.

Неясны истоки традиции полуземляночного домостроительства в Гнёздове. С одной стороны, углубленные жилища типичны для роменской культуры, однако для роменских построек характерны специфические глиняные печи, не известные в Гнёздове. С другой стороны, углубленные сооружения распространены на территории Южной Швеции, где большинство из них являлись не жилищами, а ремесленно-хозяйственными постройками (поселение Гардлэза). Учитывая, что значительную часть населения Гнёздова составляли выходцы из Скандинавии, северное происхождение подобной домостроительной традиции нельзя исключить.

Наземные постройки, вероятно, также были разнообразны. О наличии срубных конструкций свидетельствует находка деревянной «курицы» — бруса, сделанного из корня, выступающей частью поддерживавшего водосток кровли. Существовали столбовые (об этом свидетельствуют многочисленные ямы) и турлучные конструкции (плетневые стены, обмазанные глиной) жилищ. Традиция сооружать

68 Уключина. Дерево. X в.
Гнёздово
69 Гнёздовское городище.
Фотография 2003 г.

[41] Так, одно из раскопанных сооружений имеет глубину более 1 м и размеры 2,2 × 2,2 м.

69

плетневые конструкции могла прийти в Среднее Поднепровье как с юга (известны на территории Хазарского каганата), так и с севера, где она была широко распространена в эпоху викингов – в Дублине, Йорке и др. На пойменной части поселения зафиксированы следы небольшого плетневого настила, подобные настилы широко использовались для обустройства территории на землях западных славян и в поселениях викингов (Йорк).

Типологически близки Гнёздову поселения Тимерево на Верхней Волге и Шестовица на Десне. Но с инфраструктурой пути из «варяг в греки» были связаны не только поселения, расположенные непосредственно вдоль берегов основных водных магистралей. В смоленском Подвинье, например, уже в X в. существовала целая система укрепленных городищ, которые не являлись административными центрами и не были связаны с сельскохозяйственной деятельностью. Такие крепости, как Сураж, Каспля, Вержавск, Загоскино и др., расположенные в бассейне Западной Двины,

в зоне, где не было плодородных земель, осуществляли контроль над обширной, достаточно пустынной, но важной в стратегическом отношении территорией, пронизанной разветвленной сетью многочисленных водных артерий. Сооружение таких крепостей могло осуществляться только по инициативе централизованной государственной власти [42].

Аналогичная картина наблюдается и в верховьях волхово-волжской части пути «из варяг в греки». Интенсивное строительство здесь укрепленных городищ, часто достаточно удаленных от основных мест заселения и хозяйственной деятельности, исследователи связывают с известными по летописи походами княгини Ольги на Мсту и Лугу в 947 г. и активным формированием государственной территории, центром которой становится в это время Новгород [43]. Таким опорным пунктом, к примеру, было Мальшевское городище, расположенное на отроге высокого коренного берега р. Белой в 6 км от ее впадения во Мсту. Установлено, что его заселение было прямо связано с появлением

[42] Нефедов, 1998. С. 250–259.

[43] «Идеи Вольга Новгороду, и оустави по Мьсте повосты (погосты. — Ред.) и дани, и по Лузе оброки и дани, и ловища ея суть по всеи земли» (ПСРЛ. 1997. Т. 1. Стб. 60).

укреплений. Небольшое по площади (60 × 75–90 м), с напольной стороны оно было защищено валом и стеной. Общая высота укрепления, шедших по гребню вала, была не менее 6 м. Жилые и хозяйственные постройки — единый ряд деревянных клетей, являются частью конструкций вала. Площадь в центре городища была свободна [44]. Этот тип городищ известен также по памятникам юга и запада Руси.

На территории Южной Руси практически единственным хорошо изученным памятником, отвечающим критерию раннегородского поселения, связанного с развитием международной трансконтинентальной торговли, в настоящее время является Шестовицкий комплекс. Объект археологических исследований, находящийся на расстоянии 18 км от Чернигова по направлению к Киеву, давно вызывает пристальный интерес исследователей ранних городов Руси. Наличие в погребальных подкурганых комплексах артефактов скандинавского типа поставили Шестовицу в один ряд с теми раннегородскими центрами Восточной Европы — Гнёздом, Рюриковым городищем, Ладогой, Тимиревом, Сарским городищем и др., — исследования которых начали менять оценку роли скандинавов в истории Древней Руси.

На Шестовицком комплексе были выявлены подкурганые погребения, имевшие черты специфического погребального обряда. И при ингумации, и при кремации покойника или его прах помещали в «камеру» — специально подготовленное подземное сооружение, сложенное из дерева. Камерные погребения обычно связывают со варягами — «русью» летописных источников, — которые, как считается, составляли в восточнославянском обществе особую группу, этнически связанную со Скандинавией, но сформировавшуюся в общность на территории Восточной Европы [45]. Особый интерес представляет планировка этого поселения. Оно занимало пойменную террасу, вытянутую вдоль правого коренного берега р. Десна. Южная часть террасы (урочище Коровель), вытянутая узкой полосой и наиболее близко примыкающая к коренному берегу, была занята городищем размерами 120 × 150 м, обнесенным земляным валом. Судя по хронологии культурного слоя, первым на террасе в IX–X вв. возникло неукрепленное поселение, вытянутое по главной улице-дороге, идущей вдоль реки по направлению Чернигов–Киев. К концу X в. оно уже занимало всю площадь террасы. Городище же возникло только на рубеже XI–XII вв. В освоении возвышенной части Шестовицкого комплекса имелись большие перерывы, что, вероятно, указывает на сезонность пребывания людей на этом месте.

Подол Шестовицы расположен по берегу небольшой речки Жердова — правого притока Десны [илл. 70]. Место было освоено в X в. Как предполагают исследователи, население По-

дола занималось важнейшей отраслью тогдашней торговли — ремонтом и оснасткой речных судов. Тут были отмечены участки, имеющие четкие границы в виде ровиков, прокопанных в материке [46]. Такой раздел территории на отдельные участки указывает на то, что они могли использоваться для складирования больших партий товаров, привезенных для обмена или торговли.

Еще одной особенностью Шестовицкого поселения являются обнаруженные тут остатки построек. Сооружения, которые увидели археологи, мало похожи на те, что бытовали в эту эпоху в Среднем Поднепровье. Их площадь составляет не более 16 кв. м. Они имеют овальную, округлую или вытянутую форму. Печей практически не обнаружено, но есть остатки глиняных жаровень. Наиболее хорошо изученная постройка, в заполнении которой удалось выявить довольно значительный археологический инвентарь, была размерами всего лишь 1,8 × 1,4 м, имела почти прямоугольную форму. Вероятнее всего, такие постройки использовались как временные помещения под мастерские или хранилища товаров. Многочисленные находки и аналогии построек среди археологических памятников балтийского и северорусского регионов позволяют предполагать, что такой центр как Шестовица представлял собой, скорее всего, важную транзитную гавань на речном пути. Поток серебра в Подесенье в районе Шестовицы мог раздваиваться: один рукав шел в направлении Киева, другой — на южный и северный Замгай, где размещался единственный проход «в Радимичи» [47].

Связь, существовавшая между Черниговом и Шестовицей, позволяет получить представление о взаимоотношениях раннегородских торговых поселений и племенных центров, позднее превращавшихся в центры политической власти. Период формирования постоянных торговых поселений, составивших основу торговой структуры Руси, длился со второй половины VIII до середины X в. Со второй половины X в., с укреплением государственных структур, распространением христианства и формированием новых экономических районов, основанных на развитии внутренней экономики, торговля оказывается под все усиливающимся контролем местной элиты. Изменяются и функции городов, они начинают совмещать роль торгового и политического центра [48].

В тот самый период, когда в Шестовице появляются первые «дружинные» погребения, на территории Чернигова продолжают бытовать поселения роменской культуры. Вместе с тем большие дружинные курганы Чернигова с варяжскими захоронениями, датированными X в., говорят о том, что в новых исторических условиях его развитие оказалось более перспективным — он становится крупным админист-

[44] Конечный, 2003. С. 30.

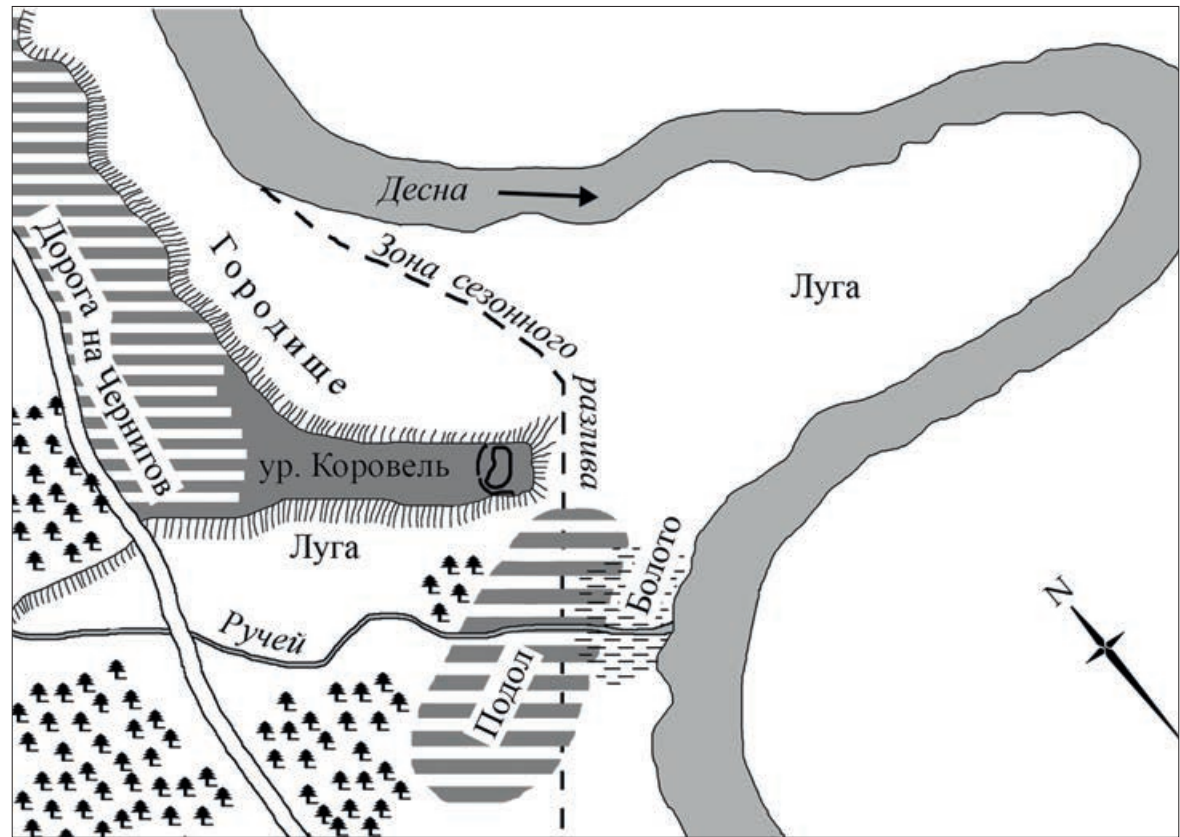
[45] Андрощук, 1999. С. 12.

[46] Впоследствии в них были поставлены деревянные заборы.

[47] Андрощук, 1999. С. 92.

Даты восточных монет, найденных в погребениях, хорошо корреспондируют с походами русов на Каспий и Закавказье, отмеченных письменными источниками: 909–914 и 943–944 гг.

[48] Носов, 1995/2. С. 268.

70

ративным центром, под защитой и контролем которого находится один из важнейших торговых путей. Возможно, в этом можно видеть не только начало формирования новой синкретичной городской культуры Киевской Руси, но и соединение в одном центре нескольких функций: экономической, административной и сакральной.

Факты говорят о том, что ранние южно-русские города, по сравнению со старыми племенными центрами — укрепленными городищами раннеславянской эпохи, — были не только центрами земледельческой округи и местами родовых святилищ. Их облик формировался путем соединения местных традиций и внешних влияний, они обладали многими чертами, общими с западноевропейскими городами. Своего рода «средневековым урбанизмом» отмечено представление о стольном граде киевского князя Святослава Игоревича, правившего в Киеве в первой половине X в.: «Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы» [49].

Обнаруживаемое князем знание торговых экспортеров и товаров говорит о том, что, возможно, не сама торговля, а, скорее всего, управление ею было одной из главных составляющих его деятельности. Он ищет способы при помощи военной силы контролировать и перенаправить торговые потоки в выгодном направлении.

[49] ПВЛ, 1997. Стб. 117.

Естественно, что с развитием и углублением территориальных интересов государства, особенно со времени принятия христианства, взгляды представителей власти на роль и место городов в государственной системе существенным образом меняются. Укрепляя свои династии политически и юридически, князья начинают оформлять и свои территориальные притязания. Они переносят внимание с городских образований на земельные владения. Только тогда — во второй половине X — начале XI в. — созданные ранее или захваченные ими городские центры приобретают совершенно новую функцию: вокруг них начинает формироваться иерархия подчиненных городов.

До недавнего времени считалось, что в характере их плановой структуры нашли отражение такие черты феодальной формации, как сословный характер общества, иерархический принцип его организации. Такой концепции полностью отвечало представление, что древнерусский город строили не купцы и другие предприимчивые люди, а князья. Сложился канонический образ города, состоящего из двух основных частей — детинца, который обычно включал древнее первоначальное поселение, и торгово-ремесленного посада, или окольного града. В детинце, непременно хорошо укрепленном, были сосредоточены военно-политическая власть (князь и его дружина) и иногда культовые святыни племени, указывающие на связь центра с жизнью племени. По сравнению с крепостью-детинцем, посады города считались вторичной структурой, возникшей

не ранее X в. как результат развития города, отделения ремесла от земледелия. Развитие посада было обусловлено растущим спросом на услуги ремесленников, что отражалось в социальном составе населения [50].

Хотя исследователи и считали посады почти полностью зависимыми от верховной власти, признавалось, что занимаемая ими территория отличалась некоторыми особенностями внутренней организации. Так, в самом формировании структуры города в виде «концов» с уличной структурой усматривали свидетельство сохранения традиций общинно-племенной организации жизни населения. Допускалось, что «уличанские» организации существовали в городах с самого их возникновения, а позже в некоторых из них (например, в Новгороде) стали основой вечевой формы правления [51].

Помимо территориальных общин, несших городские повинности, имевших свое самоуправление, своих «уличанских старост», представлявших население во взаимоотношениях с институтами власти, историки выделяли еще одну социальную структуру, которая оказывала влияние на облик ранних городов — ремесленные и торговые корпорации. Купцы, гончары, ювелиры, плотники, мастера золотых дел и т.д., всего в крупных городах можно насчитать свыше сотни различных специальностей, селились по близости профессий [52]. Разные виды деятельности ремесленных слобод притягивали к ним людей, за счет которых росло городское население.

Предполагается, что план древнерусского города, близкий к кругу или овалу, в основном складывался стихийно как следствие его постепенного разрастания во времени. Рост таких поселений был легко осуществим: прокладывалась еще одна параллельная улица с еще одной лентой строчной застройки из типовых жилищ. Четкая и постоянная композиционная структура с главным и подчиненными ему центрами, с ясной направленностью основных улиц, ведущих от детинца к воротам и далее к внешним дорогам, сочетающаяся со свободной застройкой внутри кварталов, многим казалась наиболее характерной чертой древнерусского города [53]. Эта концепция сложения плановой структуры ранних городов распространялась на поселения как Южной, так и Северной Руси. По-новому посмотреть на нее позволили археологические исследования последних лет, проводившиеся в Киеве.

Историю формирования Киева было принято начинать с конца V в. Точкой отсчета служили открытые здесь поселения, принадлежащие культуре Прага-Корчак. Согласно мнению многих ученых, эта культура, связываемая со словенцами, объединила славянские культуры Правобережной Украины: райковецкую и пеньковскую. Таким образом, Киев со своим комплексом археологических культур (зарубинецкая,

черняховская, киевская и др.), следы которых зафиксированы в центральной части градообразования, считался первым восточнославянским центром, отвечающим понятию города.

Одной из основных опорных точек этой концепции была летописная статья «Повести временных лет», повествующая об основании Киева тремя братьями и сестрой. Однако для решения научных вопросов, тем более для объективной датировки она не может быть использована. Историческая достоверность личности Кия и событий, с ним связанных, никогда не имела четкой интерпретации в историографии.

Остается не совсем ясным и вопрос, с какой из групп древностей типа Прага-Корчак следует связывать начало городской жизни Киева. Долгое время большинство исследователей отдавало предпочтение находкам на Старокиевской горе, но затем местом древнейшего поселения и прототипом будущего городского детинца была признана Замковая гора [54]. Старокиевской горе была приписана честь называться собственно «городом», так как значительно больший резерв территории на ней (по сравнению с Замковой) отвечал перспективе его будущего развития [55]. Однако нельзя определенно сказать, являются ли эти находки свидетельством резкого роста количества населения или же перемещения поселения с Замковой горы на более перспективные участки, т.е. на Старокиевскую гору. Не исключено, что одна и та же усадьба могла перемещаться по отрогам киевских гор. Случаи подобного рода были зафиксированы исследователями аналогичных древностей [56].

Высказывалось предположение, основанное на выявленных раскопками следах разрушения и пожара в местах залегания корчакских древностей, что поселение на Старокиевской горе и другие, возможно, существовавшие корчакские поселения на территории Киева были заброшены в результате военного вторжения. Как известно, 560 г. был временем появления авар на историческом горизонте Восточной Европы. Их нашествие считается одной из причин оттока населения со Среднего Днепра и передвижения его на запад. Вероятно, это могло быть причиной того, что в Киеве сохранилось мало археологических артефактов, которые можно отнести к VII в. Вопрос о континуитете между древностями типа Прага-Корчак и древностями последующей, пеньковской, культуры остается открытым. Анализ керамических фрагментов, найденных на Замковой горе [57], показал, что на залегании культурного слоя с корчакскими древностями, верхняя датировка которых относится к VI в., находились горизонты с керамикой пеньковской культуры, датирующиеся самым концом VII — началом VIII в. [58] К VIII в. относится и ряд других артефактов, найденных на Старокиевской горе [59].

[50] Тихомиров, 1956. С. 47–51.

[51] Шапов, 1975. С. 20.

[52] С этим часто связывают основы внутреннего устройства древнерусского города — сочетание городских усадеб и ремесленных слобод.

[53] Бархин, 1986. С. 21.

[54] Находки на Замковой горе, принадлежащие культуре Прага-Корчак, представлены фрагментами керамики, которая, согласно типологии Л.П. Русановой, может быть датирована концом V — началом VI в. (Русанова, 1973. С. 19–22). Кроме того, там были найдены четыре византийских фоллиса императоров Анастасия I (491–518) и Юстиниана I (527–565) (см.: Брайчевский, 1963. С. 77). Это дало возможность предполагать, что на этом месте находилось укрепленное городище, хотя никаких следов укреплений выявить не удалось (см.: Толочко, 1983. С. 29).

[55] Толочко, 1983. С. 24. Следы постройки пражско-корчакской археологической культуры были исследованы в Старокиевской части. Здесь удалось обнаружить печь, заполненную керамическими сосудами (Кишлевич, 1982. С. 28–29).

[56] Баран, 1998. Т. 3. Подтверждает это мнение и тот факт, что никаких других следов построек найдено не было (учитывая прекрасно исследованную раскопками территорию).

[57] Найдены еще в 1940 г.

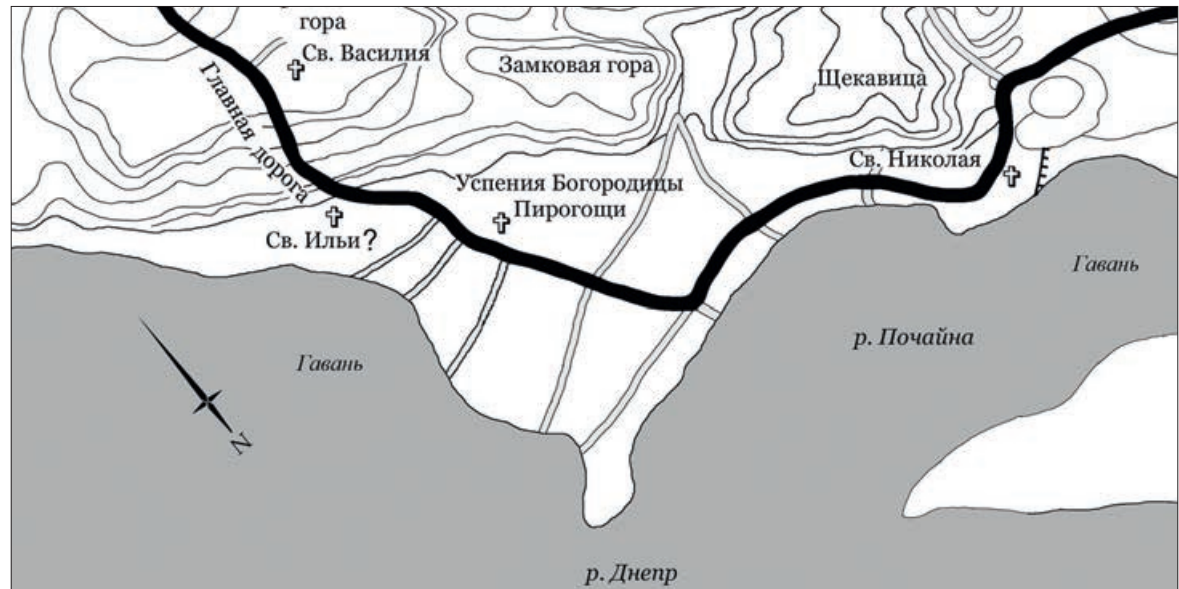
[58] Щеглова, 1987. С. 8.

[59] Находки антропоморфной фибулы, литой звездчатой серьги и бронзового браслета с круглыми полыми концами, покрытого насечками, обнаруженные в южной части горы, репрезентуют памятники сахновского типа в Киеве. К ним можно добавить пять аналогичных браслетов и византийскую монету, найденные в восточной части горы.

Г.Ф. Корзухина считала эти находки кладами (Корзухина, 1954). Согласно О.А.Щегловой, это клады 2-й группы, связанные с вторжением в начале VIII в. в район Киева кочевников перещепинской культуры (Щеглова, 1987).

[60] Козловська, 1947. С. 145–146.

[61] В ответ сторонники эволюционной модели

71

В конце VIII в. доминирующее место на территории Правобережной Украины заняла культура Луки Райковецкой, а на территории Левобережной Украины превалировала волынцевская культура. Этот период в Киеве отмечен отдельными находками, которые можно отнести к обоим культурам. Однако какого-либо представления о застройке и планировочной структуре поселений этого времени в киевской зоне градообразования по сегодняшний день нет. Одним из объяснений могут быть особенности раннеславянского земледелия, в котором широко использовалась подсека при освоении новых земель. Указанный способ земледелия предполагал необходимость раз в 10–15 лет переносить свои поля на новое место, что могло касаться и поселений.

При попытке установить наличие континитета между поселениями Верхнего города оказалось, что в ходе раскопок на Замковой горе был зафиксирован стерильный слой суглинка толщиной до 40 см, разделявший горизонты, связанные с культурами ранних славян и древнерусской эпохой. Согласно дневникам и публикации раскопок, этот слой покрыл «ранний славянский горизонт», датирующийся VI–VII вв., а слой IX–X вв. следовал за стерильным слоем [60], т.е. последний должен быть отнесен к VIII в. Такой вывод полностью опровергает существовавшую концепцию, согласно которой в самом ядре Киева во второй половине VIII в. появляются памятники волынцевской культуры, «перехватывавшие» эстафету строительства города у их предшественников [61].

Волынцевским населением едва ли могло быть освоено большинство зон градообразования Верхнего города, в частности, на Замковой и Старокиевской горах, на Кудрявце и Детинке. Можно говорить лишь о городище, опоясывавшем рвом и валом небольшой участок основного плато Старокиевской горы. Оно существовало до начала IX в., а в се-

редине этого же века на его месте появились погребения большого курганного некрополя, которые были прямо «запущены» в засыпку рва городища [62]. Скорее всего, наличие мощного слоя, свидетельствующего о затухании жизнедеятельности на верхнем плато Замковой горы, было связано с резкой активизацией геологических процессов на указанной территории в конце I тыс. н.э. Это предположение базируется на материалах изучения геоморфологических особенностей быстро изменявшегося культурного слоя Подола [63]. Учитывая топографическую близость Замковой горы и примыкающей к ней прямо у подножия подольской территории, можно, с большой долей вероятности, говорить о прямой связи между этими явлениями [ил. 71].

Изоляция Замковой горы происходила быстро. Стерильный слой горы мог появиться только при условии, что почва из вышележающих соседних территорий подверглась эрозии на просевшем участке [64]. Крутые овраги стали препятствовать сообщению между ней и другими участками Верхнего города, хотя гора оставалась одним из самых привлекательных мест для заселения. Хронология бытования поселений Верхнего и Нижнего городов показывает, что самая активная фаза природного катаклизма, препятствующего жизнедеятельности, как на Замковой горе, так и на Подоле, началась примерно в конце VIII в. и протянулась до конца IX в., т.е. длилась около 100 лет.

Население, вынужденное противостоять сложным природным процессам, вело постоянную строительную деятельность. Первое заселение Подола началось после некоторого снижения активности оползневых процессов, точнее сказать, временного снижения их пагубного воздействия. Постройка, исследованная в 1973 г. на участке Житного рынка, имеет дендрохронологическую дату 887 г. Она была выявлена на глубине более 10 м от современной

предложили новую концепцию. Теперь они датируют появление широко известного городища на Старокиевской горе, вошедшего в литературу как «город Кия», второй половиной VIII в., т.е. временем появления волынцевского населения. Вскоре последних сменяют носители культуры типа Луки Райковецкой. Она существует со второй половины IX в. до появления в самом конце этого века роменских памятников. Последние же постепенно эволюционируют в древнерусские. Но и эта концепция нуждается в уточнении (см.: Комар, 2005. С. 127).

[62] Зоценко, 2003. С. 7.

[63] Как оказалось, стратиграфия Подола, которую удалось зафиксировать инструментально на большом участке речного берега, показала, что примерно на 50, а в некоторых местах и на 70 % его культурный слой состоит из стерильных прослоек аллювиального и делювиального происхождения.

[64] Нижняя часть Замковой горы на какой-то период стала местом аккумуляции почвенного материала, смытого с главного плато. Эродированные почвы хлынули в каналы, и их отложение на подножии горы прекратилось.

поверхности непосредственно у подножия Замковой горы. Следующий горизонт строительства на Подоле датируется 913 г. Именно к концу IX в. относятся первые погребения большого курганного некрополя древнерусской эпохи (Могильник I, по М.К. Каргеру), несколько погребений которого оказались в засыпке рва древнейшего городища на Старокиевской горе.

Активизация природных процессов могла иметь значительное влияние на топографию поселений и, в частности, на потерю «господствующего» положения Замковой горы (городище на Старокиевской горе также прекращает свое существование к середине IX в.).

С конца IX в. картина формирования городской структуры Киева начинает проявляться с большей четкостью. Во-первых, всё плато Старокиевской горы превращается в большой курганный некрополь. Первая группа курганов занимала площадь от стен «древнейшего» городища в северо-западной части горы до природных рубежей — оврагов, отделявших гору с юга и запада. На участке горы над оврагом, разделявшим будущие «город Владимира» и «город Изяслава», было выделено место под святилище, известное по летописной статье 945 г. (клятва «поганья Руси Грекам» «на холмы, где стояше Перун»). Вторая группа курганов разместилась на территории будущих Дмитриевского и Михайловского Златоверхого монастырей. Наконец, третья группа занимала обширное плато будущего «города Ярослава», простираясь практически до района Золотых ворот.

Во-вторых, территория Подола становится местом массовой городской застройки. При всех неудобствах, связанных с частыми оползнями и наводнениями, Подол превратился к середине X в. в городской район с регулярной застройкой на всей территории и развитой планировочной структурой.

По сути, тут на протяжении X в. сформировался огромный средневековый город [65]. Он начал формироваться прямо на берегу реки, используя для этого пространство надпойменной террасы, расположенной над общим уровнем речной долины. Терраса простиралась между обрывистыми склонами береговой линии и течением притока Днепра — р. Почайны, которая являлась удобной гаванью для судоходства.

Исследования культурного слоя Подола показали, что, кроме человеческой деятельности, существовали и другие факторы, которые имели активное воздействие на его формирование. Приблизительно половину его толщины составляют слои чистого речного песка, глины и лёсса. Энергия гор, окружавших Подол с юга и запада, стала причиной трансформации рельефа речной долины. Здесь, в долине, спускающейся к Днепру, сформировалась терраса, площадь которой посте-

пенно расширялась вместе с увеличением грунтового материала на ней. Ввиду того что терраса сформировалась на узкой наклонной плоскости, ее развитие было ограничено склоном с одной стороны и рекой с другой. Во время бурных сезонных наводнений река заливала всю долину, принося вместе с водой массы песка и камня. Следовательно, население Подола было вынуждено довольно часто покидать место своего обитания. Интервалы были кратковременными, но значительно изменяли ситуацию: вся застройка района одновременно оказывалась под слоями наносов. Мощность их в некоторых случаях достигала 1,5 м. Все, что люди не в состоянии были унести, оказывалось под песчаным заносом. После стабилизации ситуации население вынуждено было строить новые жилища и восстанавливать свои усадьбы и городские кварталы.

Как показали раскопки, такая динамическая картина жизни на Подоле — постоянное противостояние природным явлениям — стала обычной для его населения. Это подтверждается интенсивной строительной деятельностью, которая фиксируется после каждого песчаного заноса в течение достаточно длительного периода (IX–XII вв.). С 913 г. (дендродата самой ранней деревянной постройки, открытой раскопками) и до 1131 г. (летописная дата начала строительства церкви Успения Богоматери Пирогощи) здесь произошло 14 песчаных заносов разной мощности.

Обобщение стратиграфических данных и корреляция с дендродатами открыли перспективу установления детальной хронологии существования всех горизонтальных ярусов культурного слоя [66]. Самый ранний из них, залегающий на глубине 11,5–12,5 м, датируется 880–920-ми гг. Следующий, находящийся метром выше — периодом до начала XI в. Третий ярус слоя, верхняя отметка залегания которого составляла 8 м, датируется 1040-ми гг. На уровне четвертого яруса (7–7,8 м) постройки, сооруженные в середине XI в., в начале XII в. вновь оказались под мощными слоями песка.

Одним из любопытных фактов истории знаменитого киевского храма на Подоле явилось такое совпадение: после его сооружения заносы практически прекратились. Это подтверждается отсутствием их следов над уровнем входа в храм. За 218 лет — период между заселением участка и сооружением церкви Пирогощи — уровень дневной поверхности Подола вырос более чем на 10 м, тогда как за 869 лет после возведения церкви и до наших дней уровень вырос немногим больше чем на 2 м [67].

Ввиду того что терраса, на которой сформировалась застройка Подола, имела наклон в сторону Днепра, необходимо было затратить множество усилий и ресурсов на укреп-

[65] Сагайдак, 1996.

[66] На основе проведенного в 1970–1980-х гг. изучения коллекций древесины из раскопок Подола была построена дендрохронологическая шкала и сделана попытка абсолютной датировки. Коллекция древесины, пригодной для датировки, дала возможность составления шкалы протяженностью в 383 г.; последняя рубка деревьев, представленная в шкале, была сделана в 1123 г., а самая ранняя — в 740 г.

[67] Очевидно, под влиянием сил внешнего характера баланс системы был нарушен. Освободившаяся энергия вытолкнула огромные массы земли в долину; после этого система снова восстановилась, но на новом уровне, соответствовавшем изменившимся условиям. Как отмечают специалисты по геоморфологии, благодаря активности обратной отрицательной связи при неизменных условиях, разбалансированные геоморфологические системы автоматически вернулись в свое прежнее состояние (см.: Поздняков, 1988. С. 6).

72

ление береговой линии, которая практически совпадала с краем террасы. Во время раскопок по ул. Хоревой в 1985 г. была обнаружена система деревянных конструкций, которая занимала всю площадь раскопа. Она состояла из трех рядов параллельно установленных клетей, сделанных из поставленных на ребро досок [68]. Аналогичные конструкции были также обнаружены в других частях Подола, и, как правило, они относились к укреплениям основной береговой линии или обрамляли берега полноводных со стремительным течением ручьев, протекавших со склонов к реке.

Интересно, что эти гидротехнические сооружения, напоминающие деревянную основу для транспортировки грузов по мелководью или речных судов, составляли часть построек усадеб с той стороны, где они примыкали

к опасным участкам. Иногда они уходили далеко вглубь территории, которая граничила с речной затокой [69].

Исследования границ усадеб показали, что их заборы перестраивались около 12–17 раз, но при этом столетиями сохранялась стабильная планировка участков. Зафиксированные смещения вглубь усадьбы или за ее пределы (расстояние не превышало 1–1,5 м) были, вероятно, связаны с изменениями более широкого характера — например, колебаниями течения ручья, протекавшего в центральной части Подола, или подвижками прибрежной линии Днепра-Почайны. Причинами быстрых выносов грунтовых материалов являлись таяние снега и интенсивные осадки; с увеличением площади оврагов появились условия для образования ручьев. Несмотря на укрепления берегов, они резко и неоднократно

[68] Клетки, расстояние между которыми достигало 1,6–2,6 м, были прикреплены к почве кольями, вогнутыми по их углам с внутренних и внешних сторон. Размеры клеток составляли 2,4 × 3,3 м; в средней части они иногда были разделены на более мелкие камеры.

[69] Подобные конструкции были открыты в 1987 г. по ул. Оболонской.

меняли свое направление, заставляя людей переносить линии заборов.

Все, что было зафиксировано на первых горизонтах заселения Подола на протяжении X в., показывает, что основной фронт усадебной застройки формировался вдоль улицы, проложенной по направлению северо-запад — юго-восток, а также от подножий Замковой горы к Днепру. Первое направление соответствовало краю вышеупомянутой террасы. Сама же терраса имела очень сложную конфигурацию и простиралась не столько вдоль течения Днепра, сколько по оси восток-запад. На это направление была ориентирована уличная система застройки на Подоле.

Вторая линия застройки с наиболее ранней датой 887 г., пролежавшая перпендикулярно по оси юго-запад — северо-восток, в основе для своего формирования имела небольшую многоводную речку, протекающую по указанному направлению к Днепру. Место пересечения главных магистралей на плане Подола отмечено повышенной мощностью отложений культурного слоя, что свидетельствует об активной жизнедеятельности на данном участке. Это обстоятельство позволяет предположить, что здесь находилась торгово-вечевая площадь, упомянутая в летописи под 1068 г.

Изучая развитие Подола в X в., исследователи пришли к выводу, что специфика его планировочной структуры напоминает скорее торговое место, чем какой-либо иной тип поселения. Оно было довольно большим (площадь его составляла приблизительно 120 га) и плотно застроенным. Такая структура была новой для всего Поднепровья. Река или даже гавань были главным центром притяжения населения. Стабильность основных блоков застройки Подола свидетельствует об устойчивости социальных структур, которые здесь функционировали.

Планировочная структура Подола складывалась одновременно из двух основных центров. Первый находился между берегом Почайны и подножием Замковой горы, второй располагался на территории так называемой Плоской части Подола между правым берегом Почайны и подножием прилегающих гор [ил. 72]. Вероятно, что первая улица с регулярной планировкой начала формироваться от дороги, которая связывала два центра и вела к северному (Боричеву) и северо-западному спуску, ведущему к Щекавицкой горе [70]. Боричев спуск, ориентированный на юго-восток, упоминается в летописи под 945 г. Он проходил (по нашей версии) от центра Подола до позже появившейся Трехсвятительской церкви [71], которая была поставлена на месте языческого святилища, и церкви Св. Василия X в. на территории Верхнего города.

Второй спуск, ведущий на запад и север, брал начало с того места, где находилась церковь первой половины XII в. [72], и проходил

вдоль Юрковского оврага в направлении Вышгорода и Белгорода. Сейчас появилась возможность сопоставить его с «Угорским» — местом, упомянутым в летописном известии под 882 г., в рассказе об убийстве Аскольда и Дира. Перечисленные спуски также использовались жителями Нижнего города для подхода к курганам могильникам, расположенным на верхних плато Старокиевской и Лысой гор (Могильники I и II).

Таким образом, важная роль главной улицы на Подоле очевидна. Она располагалась вдоль реки и достигала спусков, которые, в свою очередь, шли в противоположных направлениях от города. Северный и южный ее участки сходились к центральной площади города — летописному Торговищу. Назначением улицы было также обеспечение ровного подхода к реке как главной оси городского сообщения, которая весь год была судоходной благодаря постоянному притоку вод Днепра. На этом этапе основатели города на Почайне заботились об установлении торговых связей, на что указывает внимание к оформлению прибрежной линии. Узкие, но полноводные реки-ручьи, текшие с долин, играли роль дополнительных коммуникаций. Территории вдоль главной и второстепенных улиц были расчленены на кварталы, предназначенные для застройки дворов-усадеб. Один квартал могли занимать не менее четырех усадеб. Площадь их была почти идентична (300–320 кв. м).

Интересны и наблюдения, связанные с формированием сакрального ландшафта Подола. Известный по летописям храм Св. Илии мог появиться тут еще в середине X в. [73] Он маркировал направление Боричева спуска [74]. Следующей стала первая каменная постройка, упомянутая летописцем под названием церковь Св. Николая «на Угорском» [75]. Но теперь можно говорить и о предшественниках христианских храмов, существовавших в границах подольской застройки на протяжении X в. В 2003 г. при раскопках городского квартала в центре Подола были выявлены остатки деревянного христианского храма начала XII в., который исследователи связывают с Туровой божницей, упомянутой летописцем при описании киевских событий под 1146 г. [76] До нее на этом месте было обнаружено большое сооружение с длиной стен свыше 7 м, располагавшееся в передней части дворовой усадьбы. Каркас древнейшей части постройки, датированной 970–980 гг., был собран из вертикальных столбов и горизонтальных досок. Как предполагается, постройки такого типа служили для сходов, а возможно, и для отправления культов. Подобного рода «холлы» довольно широко были распространены в раннесредневековых городах Скандинавии. Аналогичная постройка найдена и в Ладоге.

Княжеская резиденция была первоначально экстерриториальной по отношению

[70] В недавних публикациях я присоединился к обоснованному, на мой взгляд, предположению о том, что известное по летописи «Угорское», впервые упомянутое под 882 г. как место высадки Олега с дружиной, следует искать не вблизи Киево-Печерского монастыря, где оно «оказалось» вследствие редакционных правок летописей монахами монастыря в XIV в., а, скорее всего, в северо-западной части Киева (см.: Сагайдак, 2005/2. С. 94–104).

[71] Была построена в XII в.

[72] Сагайдак, 2005/1. С. 6–25.

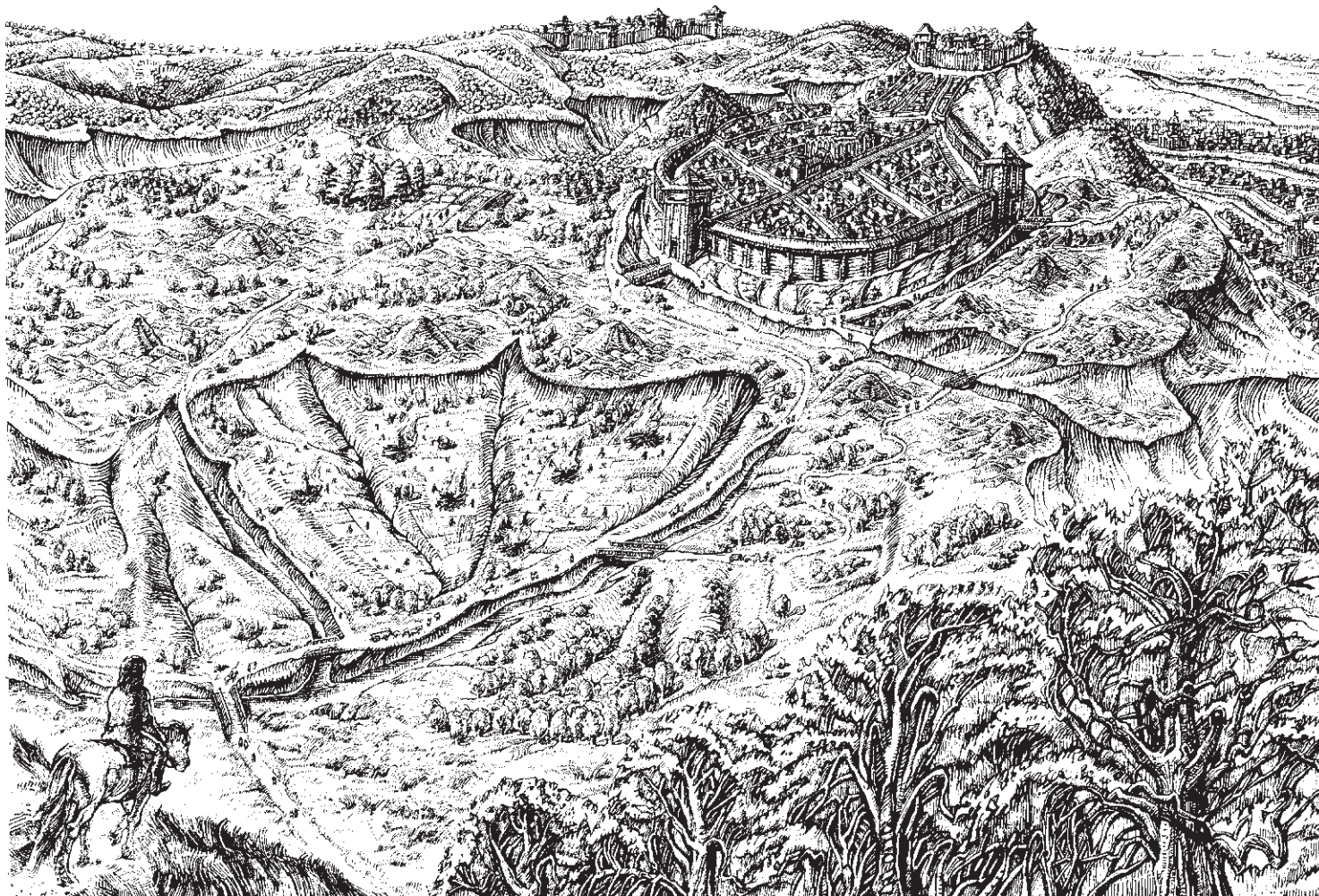
[73] ПСРЛ, 1998. Т. 2. Стб. 41–42.

[74] Сагайдак, 1991. С. 22.

[75] ПСРЛ, 1998. Т. 2. Стб. 17.

[76] «...И паки скоупишася вси Кияне оу Тоуровы божнице» (Там же. Стб. 321).

[77] Местонахождение военной администрации города на Замковой горе сохранилось с перерывами вплоть до середины XVII в., когда гора получила второе название (по

73

имени воеводы и кастеляна Киева — Адама Киселя), а деревянно-земляные укрепления были восстановлены непосредственно по линии первых фортификаций горы (см.: Зоценко, 2003).

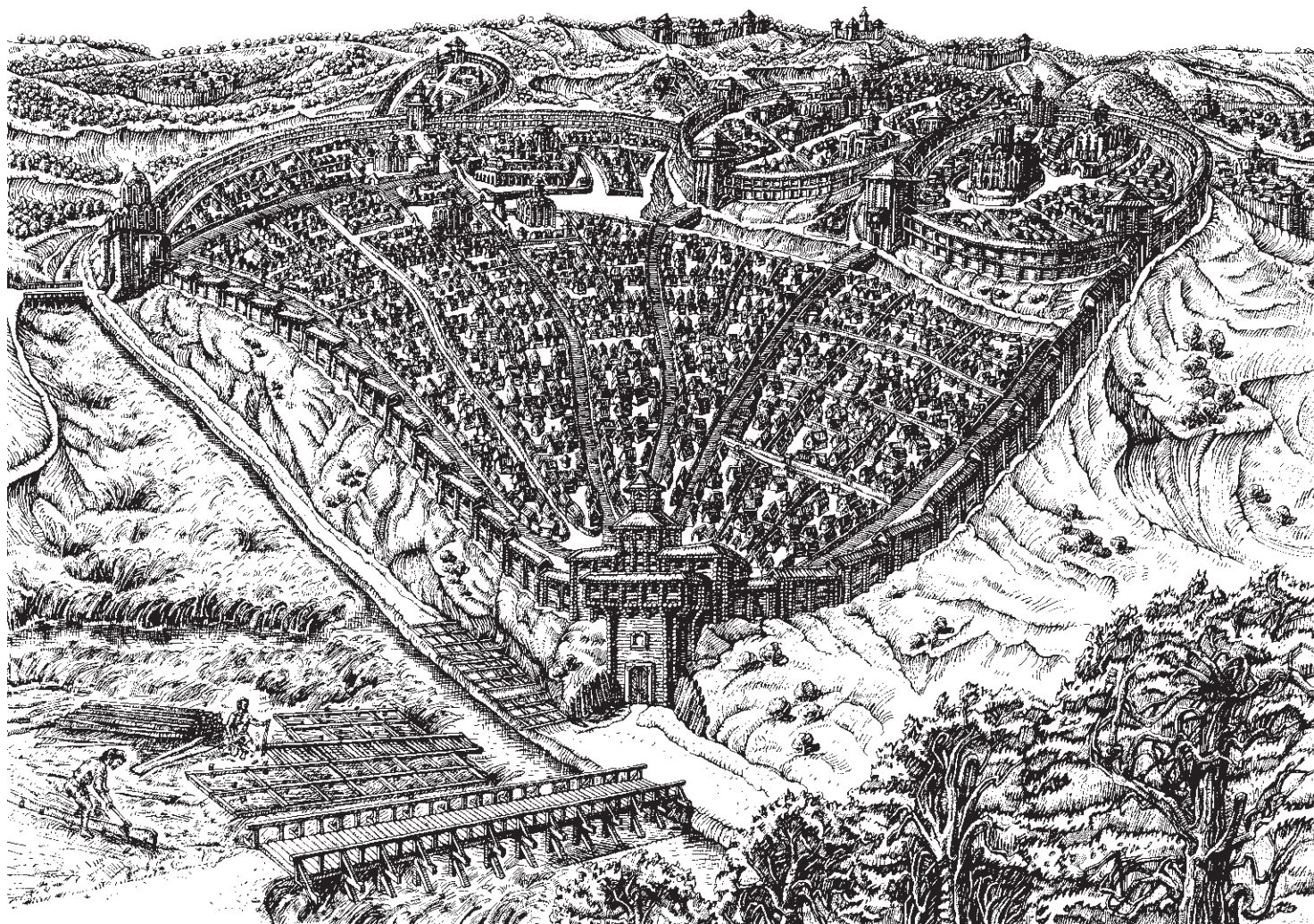
[78] На Западе смена старых городов новыми также приходится на вторую половину X в. Такие города южной Скандинавии, как Лунд и Роскильде, были основаны королевской династией поблизости от ранних торговых поселений (Ушакра). Причем, они создавались по западноевропейской (английской) модели, сочетая политическую власть, церковные и административные функции.

к подольскому поселению. На этапе появления в городе первых Рюриковичей и вплоть до начала последней четверти X в. (княжение Ольги и Святослава Игоревича) княжеский «город», скорее всего, располагался на Замковой горе, поскольку территория Старокиевской горы была сплошь занята курганным могильником. Тут же, на Замковой горе, могли размещаться дворы — резиденции представителей княжеской администрации [77].

Во времена правления Олега, Игоря, Святослава и Владимира Киев твердо занял позиции стольного города. В конце X в. административная функция Киева, его роль как опоры политической власти и христианизации населения резко возрастает. Это сопровождается тотальным сносом под городскую усадьбную застройку языческих капищ, курганных насыпей, строительством земляных форти-

фикационных укреплений с въездными воротами. Верхний город превращается в крепость, демонстрирующую власть киевского князя. Начинает складываться моноцентрический образ города, что нашло отражение в его плановой структуре. На месте бывшего Могильника I на Старокиевской горе (на ее северном краю) появляются княжеские покои и главный христианский храм — Десятинная церковь, посвященная Богородице [78] [ил. 73]. «Город Владимира» имел одну главную улицу, по обе стороны которой размещались равные по площади участки, застроенные усадьбами ближайшего окружения князя.

И все же на первом этапе новый комплекс походил не столько на город, сколько на большой княжеский двор в городе. Он имел презентационный характер — черта, характерная для административных центров Северной Европы,

74

таких, к примеру, как Сигтуна в Швеции. Но неизвестно, имел ли он законный статус столицы. Возможно, такое понятие еще не сформировалось к тому времени. Этот факт подтверждается борьбой за верховную власть между Ярославом и его старшим братом Мстиславом, который, победив Ярослава в битве, стал править всей левобережной территорией. Сев на престол в Чернигове, Мстислав развернул активную строительную и административную деятельность. Он возвел Спасо-Преображенский собор, который превзошел по размерам знаменитую Десятинную церковь в Киеве, сформировал церковную организацию, которая, возможно, была равна в правах с киевской церковной структурой. Некоторые исследователи предполагают, что таким способом он явно противопоставлял Чернигов Киеву.

В свою очередь, статус Киева как столицы всей Руси должен был быть подтвержден формированием нового городского ансамбля, основанного Ярославом в 1037 г. на так называемом поле вне града, получившего в исторической литературе название «город Ярослава». Судя по косвенным свидетельствам, относящимся к концу XI в., о столичном статусе свидетельствует его превращение в совместное владение династии Рюриковичей, правящей Русью [ил. 74].

Изменив систему наследования, Ярослав в то же время поменял топографический и планировочный облик Киева. По завещанию Ярослава он перешел в общее наследование трех братьев. Этот факт имел большое влияние на структуру городской топографии. В следующем периоде Верхний город предстает как объединение автономных княжеских поселений —

«города Владимира», «города Ярослава», «города Изяслава» и «города Святослава» [79].

В то же время в течение всего этого периода Подол почти не изменил свое территориальное деление, он сохранил те же улицы и проулки, какими они были еще в период их появления. Улицы, изначально появившиеся в конце IX — начале X в., сохранили свое направление, и заборы, которые маркировали границы дворов-усадеб, остались на прежнем месте. Их, как и постройки, регулярно на протяжении нескольких столетий, восстанавливали после пожаров и паводков по одной и той же линии (не считая незначительные колебания береговой линии, сдвиги русел ручьев и возобновление усадеб на новых горизонтах из-за песчаных наносов).

Когда курганный могильник на Старокиевской горе прекратил свое функционирование, умерших могли хоронить по старому обряду на территории Могильника II, недалеко от второго центра на Подоле, рядом с церковью Св. Николая «на Угорском». В то же время в начале XI в. появилось первое христианское кладбище на Подоле возле устья одного из ручьев, которые пересекали его территорию по направлению запад–восток почти над берегом Почайны [80]. К этому времени Нижний город достиг своих максимальных размеров, составивших приблизительно 180 га. Городская система обогатилась новыми улицами, вдоль которых появились усадьбы. Сооружения каменных храмовых построек могли быть дополнены возведением деревянных домовых церквей [81], открывших новую страницу городской истории, которая была связана с коренным изменением социальной и политической ситуации.

Характер городской планировки очень напоминает принятую в городах Северной Европы. Однако на следующих этапах развития Киева, главным образом в период правления Ярослава Мудрого, в его планировочной структуре заметно преобладание византийских влияний. Тем не менее дальнейшее изучение планировки города того времени и особенно очертаний усадеб может дать материалы и для аналогий с городами средневековой Европы. Так, при раскопках, проведенных в 1984 г., удалось изучить значительный отрезок одной из главных улиц «города Ярослава», простиравшейся от Св. Софии к западным воротам города. Артефакты, полученные здесь, имеют скандинавскую типологию. Участки городской территории, прилегающие к вышеупомянутой улице, были ограничены ровиками, выкопанными в материке, как в Висбю и Риббе. Эти данные напоминают нам, что супруга Ярослава Мудрого была шведской княжной — дочерью конунга из Сигтуны. Прямо причастная к формированию княжеской династии, она не могла остаться равнодушной к облику своей столицы. Образцом могла служить планировка городов ее родины.

С Подола и так называемой плоской части, примыкающей к нему с северо-западной стороны, а также со Старокиевской горы, возвышающейся над Подолом вместе с участком Михайловского плато и будущего «города Ярослава», происходит основное количество привозных скандинавских предметов в Киеве IX — начала XI в. В меньшей степени скандинавские и «киеворусские» материальные связи прослеживаются по материалам Замковой горы. Североевропейские предметы, найденные на Подоле, так же, как и на Замковой горе, изначально были связаны с жилыми и хозяйственными комплексами в Верхнем городе и входили в состав погребального инвентаря киевского Могильника I. Находки артефактов североевропейского происхождения, датированные IX–XI вв., переместились в район дворовых ансамблей княжеской власти, церковных и монастырских дворов, жилых и хозяйственных комплексов киевской знати [82]. Таким образом, находки скандинавских вещей IX–XI вв. в Киеве маркируют городскую территорию: Подол, Замковую гору, которая в этот период была административным ядром, и крупный могильник на месте будущего Верхнего города. По набору вещей в упомянутых выше кладках они должны быть связаны со скандинавами. Однако существуют и свидетельства обратной связи [83].

Все приведенные факты свидетельствуют о прочной взаимосвязи урбанизационных процессов в Восточной и Северной Европе.

На сегодняшний день нет археологического подтверждения гипотезы о том, что южнорусский город, прежде всего Киев, формируется эволюционным путем из старого племенного или межплеменного центра. Четкая картография и хронология находок второй половины I тыс. н.э., выявленных на территории Верхнего города в так называемом ядре градообразования, позволяет сделать вывод: следов прямого перехода от древностей пражско-корчакского типа, связанных с правобережной племенной группировкой славян, к археологическим культурам VII–VIII вв. (волынцевской и др.), представляющим левобережные и южные племенные группировки, нет. Характер находок на раскопанных жилищно-хозяйственных комплексах не позволяет увидеть здесь попытки формирования структуры с городскими признаками. Скорее всего, это были обычные земледельческие поселки, жители которых использовали подсеку и поэтому вынуждены были перемещаться с места на место. Определенная стабилизация на Старокиевской горе намечается в связи со строительством на ней в конце VIII в. городища, но это была уже новая группа населения, происходящая с Левобережья Днепра. Городище просуществовало до середины IX в., затем на его месте образовался некрополь. При этом в Киеве пока не удалось выявить ни одного комплекса древностей

[79] Сагайдак, 2005/1. С. 22.

[80] Сагайдак, 1991. С. 96.

[81] Остатки такой церкви были выявлены раскопками 2003 г. недалеко от участка первоначальной застройки (ул. Межигорская, 3/7).

[82] Количество скандинавских предметов IX–XI вв., найденных на данной территории, насчитывает около 70 из 64 мест.

[83] Так, наременные аппликации, отливавшиеся в Киеве (формочка, сделанная из овручского шифера, была обнаружена раскопками ювелирной мастерской второй четверти X в. по ул. Верхний Вал в 1985 г.), находят аналогии среди материала Бирки (см.: Jansson, 1986. S. 77–108).

роменской культуры, связанной с северянским населением Левобережья конца IX–X в.

Фундаментальные изменения в киевском градостроительстве, а следовательно, и в жизни общества наступили в конце IX – начале X в. Очевидно, это было связано с важными экономическими сдвигами, такими как дальняя торговля и обмен, а также ремесленное производство. Археологические материалы Подола создают довольно яркую картину этого процесса. Организация плана города, особенности городских усадеб и конструкции домов позволяют искать его истоки в ранних городах внешней зоны европейской урбанизации. Важно здесь констатировать тот факт, что планировка Подола вдоль главной улицы, проложенной параллельно береговой линии, ставит этот город Южной Руси в один ряд с ранними городами Рейнской области, Британских островов, Скандинавии, где такой тип планировки доминировал.

Возникновение в Верхнем городе Киева «города Владимира» и «города Ярослава» в конце X – первой половине XI в. следует связывать с эпохой образования новых «административных» городов, что было определено необходимостью централизации политической власти, укрепления правящей династии и христианизации Руси. Изменение плановой структуры Киева отразило начало формирования власти Древнерусского государства. В дальнейшем он и развивается как столица средневекового государства.